

Райская обитель

Повесть

Перевод с китайского ИГОРЯ ЕГОРОВА

1

— **Н**ОВЕНЬКАЯ? Звать-то как?
Девушка в длинном зеленом халате положила мне руки на плечи, словно танцевать собралась. У нее глаза ягненка, в таких, наверное, застывает “За что?”, когда его собирается разорвать лев.

— Будет тебе, Лимон, не видишь, что ли, — дурочка она.

— А у нее еще песик, к тому же чихуахуа.

— С виду лет пятнадцать-шестнадцать... Слышь, детка, коли есть хочешь, перекуси скоренько, да смотри, не увлекайся, а то сколько съешь, столько и выблюешь.

— Номер сто шестьдесят восемь... — Одна из женщин обвела пальцем вышитые впереди цифры, а потом очертила мою грудь: — Здесь все уже налилось, будьте нате...

Женщины рассмеялись.

— Надо же, голова бритая, номер на белом халате: больше всех на арестантку смахивает.

© SHENG KEYI, 2016

© ИГОРЬ ЕГОРОВ. Перевод, 2018

Редакция выражает благодарность Шэн Кэи за любезное разрешение безвозмездно опубликовать ее повесть на страницах журнала.

Меня погладила по голове женщина с большим животом в длинном халате красного цвета:

— Сперва имя тебе дать нужно — название какого-нибудь фрукта.

Саму ее называют Яблоко. От нее сильно пахнет туалетным мылом, как от мамы. Плотно сбитая. Лицо круглое, глаза тоже, на носу сбоку родинка, будто кусочек мха в углу стены: надави легонько пальцем — и выступит вода. Мама в доме голосила так, будто ее били. С испуганными криками в серенькое небо взмыли птицы, клевавшие что-то на поросшем травой коньке крыши. Листья уже облетели, обломившиеся сучья на деревьях раскачивались, как обрубленные пальцы. Народу полон двор, мужчины деловито сооружают паланкин, привязывают лежанку к двум бамбучинам, которые понесут на плечах, и бамбук поскрипывает под тугой веревкой. Пришедшие поглазеть женщины с детьми на руках лузгают семечки, и мамины вопли их ничуть не трогают.

— Я когда старшенького рожала, куда страшнее орала.

— Мы, бабы, ни на что другое не годимся, только боль терпеть и остается.

Двое мужчин выносят маму из дома, ее влажные волосы прилипли к лицу, ниже пояса все красное. Ее укладывают на лежанку: глаза закрыты, рот крепко сжат, она забылась во сне. Из города ее принесли назад в той же позе, то же выражение лица, только еще бледнее, и волосы сухие. Настолько вымоталась, что на меня даже не взглянула, так и уснула на полу, не спротив, ела я или нет.

— Назовем-ка ее Хамийской дынькой, все одно дурочка.

— А по мне, так лучше всего Голубика подходит, вон лицо какое блеклое и печальное.

— Ну нет, она что твой персик, манящий, сочный.

— Может, лучше Черешня, изящная, свежая, отборная.

— Ха-ха, назовем попросту Арбуз, ведь всяк нож вонзить может.

Женщины выбирали имя и забавлялись с моим черным песиком. Не успела я и половины съесть, как уже стала Таоцзы — Персиком, а песика прозвали Фуци — Везунчик.

2

В столовую входит толстяк в сером европейском костюме и алом, как свиная кровь, галстук. Лицо каменное, будто потерял что, глазки бегают, словно пытаясь на чем-то поймать. За ним вышагивает молодой детина в камуфляже — жидкие волосенки, белокожий, все лицо в родинках.

— Ноль шестьдесят четыре! — выкрикивает толстяк.

— Здесь. — Прикрывая рукой живот, медленно встает Яблоко. Такая крепкая на вид она вдруг обмякла.

— Сама чистосердечно признавайся. — Белки глаз толстяка вращаются, как прожектор с дозорной вышки во мраке.

— ...я без разрешения, в нарушение правил центра написала письмо, а это согласно статье шестой пункт четвертый наказывается штрафом в размере тысячи...

— Всё? — Толстяк впивается взглядом в лицо Яблока, словно пес, ожидающий, когда хозяин выплюнет обглоданную кость.

— Я виновата. — Кость вылетела.

— Служивый, строго наказать. — Подхватив кость зубами, толстяк косится в сторону, будто уворачиваясь от целого облака дыма.

— Не извольте беспокоиться, президент Нью.

И они выплывают из столовой, как отходящий от пристани корабль.

Женщины — разделившиеся ручейки — снова сливаются вместе.

— Фрикаделька Нью — просто робот, совсем свихнулся, как бы нам эту фрикадельку сварить, — подает голос Лимон.

— Ладно тебе, глядишь, перетерпим, — отвечает женщина, которую только что тошнило. Речь выдает в ней жительницу Гуандуна. — Месяц назад решила написать письмо, тоже сыта по горло, но так и не написала: говорить о суррогатном материнстве — стыд один.

— Ты, Снежная Груша, себя недооцениваешь, — возражает другая — огромные глазищи, большой рот, носатая и зубастая. — Детей за других рожать, утробу продавать — это тебе не телом торговать.

— Ой, Дуриан, не слишком ли тебя заносит? Наверное, даже близким подругам не понять, что ты несешь? — Казалось, Снежную Грушу вот-вот опять стошнит.

— А сама-то по-человечески, на путунхуа¹ говорить умеешь? А то ворочаешь языком — поди разбери...

— Так я на путунхуа и говорю.

— Опять сцепились, — прерывает их Лимон. — Ведь прекрасно знаете, чего больше всего страшится Фрикаделька — нашего единства.

— ...звонишь по телефону — подслушивают, письма просматривают... Чего он в конце концов боится? Ведь нам нуж-

1. Путунхуа — букв. общепринятая речь; название общенационального китайского языка, основанного на пекинском диалекте. (Здесь и далее — прим. перев.)

но лишь продержаться эти десять месяцев¹, а потом получаем деньги и поминай как звали?

— Совсем очумел, белым человеком себя вообразил, усиков под носом не хватает, а так вылитый Гитлер.

— А кто такой Гитлер?

— Да выродок один.

— Мы здесь каждая по своей причине, но теперь проблема перед всеми одна, и нельзя допустить, чтобы Фрикаделька разобщи нас. Поймите же, эта его компания нелегальная, он действительно боится нас. — Глаза Лимон сверкают, как у леопарда.

3

Ухо резанул звонок, в столовой снова появляется толстяк президент, за ним двое в камуфляже: один только что приходил, другой, буйволородный верзила по прозвищу Маленький Генерал, стоит навтыжку, на копытах — черные сапоги.

Навстречу, помахивая хвостиком, выскакивает Везунчик, но получает пинок и, поджав хвост, бежит ко мне.

Поджав губы, президент Нью неторопливо скользит взглядом от тарелки к тарелке, как на строевом смотре.

— Номер сто двадцать три, почему кость не обглодана как следует? — Он копается в тарелке и отшвыривает палочки.

— Начисто такую кость обглодать только псу впору. — Шея у Лимон тонюсенькая, но держится прямо. — И так из последних сил грызла.

Президент Нью оглядывает кость и так, и этак, но ничего не говорит и следует дальше. При виде пустой тарелки остается очень доволен и поднимает глаза на ее хозяйку с таким видом, что вот-вот улыбнется. Но улыбки так и не выдавливает, изо всех сил сдерживается, словно боится испустить газы.

— А это еще что? — останавливается он перед Дуриан, заложив руки за спину и выпятив живот.

— Дерьмом свиным несет.

— Запиши. И действуй по регламенту, — велит он Служивому.

— Это к кухне вопрос, если готовят невкусно, — возражает Дуриан. На ней останавливает взгляд Маленький Генерал.

— Другие едят, а тебя не устраивает? — прищуривается президент и поворачивается к следующей. — Номер ноль восемьдесят восемь, ну-ка расскажи, как тебе удалось съесть все подчистую?

1. В Китае считается, что беременность продолжается десять месяцев.

— Разрешите доложить, президент Нью, по мне, так еще бы пару порций умяла. — И без того краснолицая ноль во семьдесят восемь от похвалы зарделась еще пуще.

— Здорова же ты, Клубника, подхалимничать, — хмыкает Лимон.

— Определенный рацион, определенные порции, в определенное время, с определенным вкусом — вот основные принципы питания, все по науке, и это главное для матери и ребенка, — вещает, косолапо разгуливая, президент Нью. — Почему столько центров закрылись, а мой процветает? Потому что я умею вести дела и клиенты мне доверяют. Для меня клиенты — наивысшая ценность, человек превыше всего. Вам нужно четко уяснить, что штрафы в конечном счете направлены на ваше же благо. Здесь для вас райская обитель.

— Человек превыше всего, как же. Для тебя плод превыше всего, деньги то есть.

— Если здоровье матери никуда не годится, откуда плоду быть хорошим? Чушь несете. У меня здесь продукты рождения без единого случая брака.

— Продукты рождения? Ты считаешь младенцев продуктами рождения?

— Да, именно так. — Такое впечатление, что ему хочется в туалет. — А вы производители продуктов рождения.

— Это что же, нас и матерями считать нельзя? И уважать не за что?

— Матерями? — С тонких губ президента срывается раскатыстый смешок: — Вам об этом и думать не следует. Вы лишь домик. К примеру, сосед держит лайку-хаски. Он уезжает в командировку, на время отдает ее тебе присмотреть за ней, а потом платит за это. Вот и все.

— Мы — люди, — не сдается Лимон.

— Разумеется, вы — люди, производители продукции. — Президент опять морщится, словно в дыму. — Уясните эту истину, и вам станет значительно легче.

Ко мне вдруг подходит Маленький Генерал:

— Тут собак держать нельзя!

Он хватает Везунчика за загривок и тянет к себе. Я крепко обнимаю песика. Тот скулит. Я открываю рот, но не могу произнести ни звука. На ухватившей Везунчика руке пульсирует вена. Эту руку я и хватаю зубами. Кончиком языка ощущаю что-то соленое. Владелец руки ахает и отдергивает ее. Я отступаю к стене. Везунчик вылизывает у меня из уголков рта кровь. Кровь не моя.

Снежная Груша вынимает пластырь и заклеивает Маленькому Генералу рану.

4

Трещина в оконном стекле походит на молнию.

— Вэньшуй, я за продуктами, а ты стой здесь и чтобы никуда. — В толпе то появляется, то исчезает затылок Дубинноголового.

Я иду по тропинке, что ведет к лавке, и считаю кирпичи.

Пойманную рыбу Дубинноголовый отдает мне. Карасей. Карпов. Мелких креветок. Он мне всегда правду говорит. Говорит, что очень одинок. Особенно по ночам, когда дует северный ветер и нагоняет страх скрипучая дверь. Скидывает штаны, показывает свою вздувшуюся штуковину, тыкает в покрасневший шрамик, и я вскрикиваю от боли.

— Не водись с Дубинноголовым, Вэньшуй, подведет он тебя, — говорят деревенские.

Ругаться с ним я не стала, и напрасно. Мама обнаружила на штанах кровь и, причитая по дороге, потащила меня к партсекретарю, а тот вызвал старосту деревни, бригадира, звеньевых, кассира, бухгалтера и председателя женсоюза.

— Кто такой Дубинноголовый, вы все прекрасно знаете, он болван и мать у него парализованная... Мы односельчане и соседи, дело серьезное, испортит девчонку.

— Партсекретарь, староста, звеньевые, раз уж все начальство собралось, рассудите по справедливости.

Мамаша Дубинноголового велела сыну отнести себя на закорках в дом партсекретаря и заявила, что тут и умрет, если он ей не поможет.

Мама справедливости добилась, большого буйвола у семьи Дубинноголового увела. Все вырученные за него деньги пошли на лечение отца. Маме пришлось влезть в долги. Врач заявил, что больница принадлежит не ему, а Гун Цзя¹. Мама не знала такого, не было ни адреса, ни телефона. Этот Гун Цзя — человек нехороший, у него, наверное, и друзей-то нет, даже деревенские его в глаза не видели, хотя нередко кроют по матушке. Это сильно огорчило бы его мать, узнай она про это. Если кто тронет цыпленка и тот запищит, клуша тут же заклюет. А если меня кто назовет дурочкой, мама берется за метлу и может отходить ею.

1. Гунцзя в переводе с китайского — государственное учреждение.

В городе многие без работы, а к белому порошку пристрастились. Денег нет, вот и приезжают в деревню пожить. Встретят женщину в украшениях — ограбят, а если кто сопротивляться начнет, хватаются за ножи. По ночам залезали на крыши, разбирали черепицу и проникали в дом или взламывали двери и уносили все ценное, не гнушались даже вяленой рыбой и мясом. Люди сторожевых собак привязывали, дополнительные замки врезали, горящие лампы на ночь оставляли, при малейшем шорохе кричали “Кто там!”. Да еще таким тоном, будто с тесаком в руке стоят. Этих прохвостов “чертями пагубными” окрестили. Вот с ними Дубинноголовый и связался. О каждом доме и о каждой семье все в подробностях выкладывал. У него завелись деньги. Раздобыл себе мобильник с яблоком. Играл в компьютерные игры, топая ногами и матерясь. Громко разговаривал по телефону и, нацепив наушники, шатался по деревне.

— Уехать хочу подальше, — жаловался он мне. — Одни гадости о себе слышу, и все потому, что рыбу тебе отдавал, а им завидно.

5

Если спать под надземным переходом, видна луна, жиденькая, внутри дерево, и какой-то человек рубит его топором. Когда он топор вытаскивает, дерево смыкается, как вода. Смотрю на него и смотрю. А он рубит и рубит. По ноге забираются крыса и таракан. Из днища перехода торчат дюбели, мой домик расколошматили палкой и выбросили в мусорный бак. Я перебралась к другому входу, там рядом с отхожим местом небольшой пустырь, оттуда можно обозревать весь парк. Какой-то старик с мечом тыкает им то в одну сторону, то в другую, зажимает меч под мышкой и стоит на одной ноге, медленно толкая ладонями воздух перед собой.

Мягкая кровать, широкая, как речка, вода в речке поблескивает под солнцем. Поднимаю куски черепицы и один за другим бросаю в воду. Они шелестят по поверхности, как лапки убегающей крысы: “та, та, та” — и скрылась в норке. Дверь вдруг распаивается.

— Номер сто шестьдесят восемь, подъем, приготовиться к осмотру.

Это кругленький президент Нью, позади него кругленькая женщина — напудренное лицо, глаза, жирно подведенные черным так, что уголки взлетают вверх. Как у актрис, выступавших в деревне на наспех возведенной сцене. Груды выступают двумя могильными холмиками, чуть ли не касаясь подбородка. На праздник поминовения усопших я утаскивала с других могил бумажные фонари и устанавливала на могилах мамы и папы. Капель дождя в этот день было больше, чем

слез. Мама говорила, что слезами делу не поможешь, но, когда умер папа, не раз тайком плакала.

Президент Нью лапает могильные холмики, его ладони звонко шлепают по нежной плоти, и холмики волнуются. Кругленькая женщина вздергивает уголки глаз:

— Перестань, она же смотрит.

— Да что она понимает, смотрит и смотрит как собачонка.

Президент Нью проводит рукой у нее между ног, будто стряхивая землю с ладони, а она не сводит с него глаз, выпятив грудь.

Оба хихикают. Она подходит ко мне, уголки глаз взлетают:

— Думаю, никакая ты не немая, просто будешь держать язык за зубами, верно?

У носа все усыпано мелкими веснушками, губы в ярко-красной помаде, будто только что съела пампушку с человеческой кровью, и пахнет от нее тоже кровью. Как от тухлой рыбы, такой же запах и от Дубинноголового. И от воды на пруду. Эта вонь разносилась по всей деревне. Каждый день рыбу кто-то ел, потрошил, сушил, а отбросы сваливали в сточную канаву. Везде можно было наколоть ноги о рыбы кости.

— Меня зовут Диндан, такой вот звук, послушай... — И, согнув палец, женщина постучала по деревянному шкафчику. — Дин, дан.

А я услышала “дун-дун”. Неправду она сказала.

6

— Она даст самую надежную статистику в истории центра. — Президент Нью скалит зубы в широчайшей улыбке. — Номер сто шестьдесят восемь — невероятная удача. Я ее сразу заметил: полугодовалая бродяжка из простонародья, к тому же никаких хворей — просто здоровая и сильная телушка... Ты только глянь на ее руки и ноги, на кости таза... Глазки ясные, черные как смоль волосы, и почки в порядке, жизненная энергия, кровь — всего довольно, родит восемь-десять раз за просто. Ты, Диндан, срочно оформи на нее дело... Без затей, найди что-нибудь подходящее в объявлениях о найме на работу и составь полное досье. Выпускница университета, состояние здоровья отменное, никаких наследственных болезней... С коэффициентом умственного развития, конечно, уж как повезет. Ха-ха. Бизнес то, что надо: доход без начального капитала.

— Вот уж не думала, что ты и впрямь приведешь ее в центр, а если...

— Я на нее почти три месяца как глаз положил, никто знать не знает, откуда она, похоже, с юга.

— Вообще-то мне кажется, что это дело немного...

— Ты, малышка Диндан, мало еще в жизни повидала. — Президент ухватывает ее за зад, потом вынимает телефон: — Служивый, сообщи на кухню, что номеру сто шестьдесят восемь назначено усиленное питание, нужно сперва пару недель подкормить ее.

Потом поворачивается ко мне, и его круглые, как монетки, глаза вдруг сверкнули золотистым блеском.

7

Далекие холмы невысоки, не выше крытых соломой домиков. Из-за коньков крыш выглядывает солнце. Женщины выстроились лицом к нему. Маленький Генерал выкрикивает:

— Говорит радиоточка центра, начинаем гимнастические упражнения... Один, два, три, четыре, два, два, три, четыре, три, два, три, четыре...

Женщины тянут руки высоко вверх, резко выбрасывают прямую ногу вперед, плотно, до судороги, сжав вытянутый носок. Они пошатываются, схватившись за живот, вертят шеями туда-сюда. На лицах сверкает солнце.

— Номер сто шестьдесят восемь, опусти эту поганую собаку и не выбивайся из ритма. — После того как я его укусила, он ко мне не приближается.

Белый, зеленый, синий, красный. Цвета меняются один за другим. Солнце сияет ослепительно ярко, как лампа в операционной.

— Вэньшуй, у тебя сильный жар, давай охлажу, будет не так больно.

Это Дубинноголовый. Поросший травой склон на берегу реки, искрится отраженный от воды солнечный свет.

— Ложись. Ноги раздвинь.

— Свяжи, чтобы не брыкалась.

— Слушай, а она не девственница?

— Эта дурочка, что на улице ночует? Наверняка давно уже раскурочили.

— В прошлом году приняли одну пациентку с острым аппендицитом, старуху сумасшедшую, спала со всеми направо и налево, родила двух сыновей, и неизвестно от кого.

— Ладно, доктор Лю, риск беру на себя...

— Верно говоришь, старина Нью, смотря еще, какая ситуация у этой супружеской пары... Что они за люди?

— Не богатые и не бедные, единственный сын погиб в авткатастрофе, хотели бы еще родить, но жена уже в годах, да и сердце пошаливает...

— Нынче проверяют очень строго... Это, знаешь ли, незаконная врачебная практика... Жена возражать начинает...

— Кто не рискует, тому богатства и почета не видать, доктор Лю, если гонорар за каждую операцию увеличить на двадцать процентов, думаю, ты возражать не будешь?

— Между старыми друзьями главное, чтобы сотрудничество было приятным.

— Потрогай, какая горячая. Просто огнем горит. — От отраженных солнечных лучей по поверхности воды разливается золотистый свет. Штаны у Дубинноголового упали, сил поднять их у него нет, и он что-то бормочет под нос. Дела с этой штукой совсем плохи, так и пышет жаром, передок весь красный. Бросаю взгляд на речку, зачерпываю воды и выливаю туда, где жар. Он вскрикивает, будто обжегся. — Ложись. Ноги раздвинь. — Стебельки травы впиваются в тело, все чешется. В ноздри бьет травяной дух. Куда-то шагают строем муравьи. Из-за спины вылетают две птицы. Одна подмигивает мне, складывает крылья и что-то говорит — щебечет.

8

Окружившие меня женщины глядят по голове, щупают живот, кудахчут, как снесшая яйцо несушка.

— Не соображает ничего, но росточек-то ей уже посадили.

— Только что узнала, что ее Фрикаделька подобрал... Так что, тайных добродетелей не имеется.

— Тайных добродетелей не имеется? Это как понимать?

— Если тайные добродетели есть, на том свете, может, и зачтется, а без них грех один.

— Может, подумаем, как помочь ей?

— Вряд ли на воле ей было лучше, чем здесь.

— Мне тоже так кажется, сама подумай, а если ее там кто обрюхатил...

— Фрикаделька притащил ее для наживы и поплатится за это.

— Какое “поплатится”, лихие люди живут себе припеваючи!

— Персик, послушай, если живот начнет расти, ты не пугайся, пройдет немного времени, и опять сожмется.

Маленький Генерал ушел. Упражнения под радио продолжает выполнять одна Дуриан.

— Хочешь, чтобы Маленький Генерал на тебя одну покривал... Или “поупражнялся” с тобой?

— Беременность — для тела мучение, а как мучительно сдерживать желание!

— Самая счастливая — Яблоко: еще два-три месяца — и домой, а там пусть муж “упражняется” сколько душе угодно.

— Мне бы только сына увидеть.

- Снежная Груша, а Маленький Генерал на тебя глаз положил с этим твоим мягким пластырем...
- Ножищи вон какие здоровенные, пробежит сто восемь тысяч ли и хоть бы хны.
- Да ну, куда там, не видела, что ли, с каким уставшим видом он стоял и команды выкрикивал?
- Интересно, что за кобылка с ним в беге состязалась?
- Бабы они все на подозрении.

9

В зеркале видна женщина в зеленом халате: волосы дыбом, голова как мячик с шипами. Тоже приставили ко мне вдобавок к Диндан. То и дело слышишь: ходи не торопясь, не прыгай, не залезай высоко, не сиди на земле, когда идешь, закрывай живот руками, смотри не ударься об угол стола. Мама всегда кричала мне вслед: “Вэньшуй, потихоньку давай, смотри не упади”. А я припускала еще быстрее. Увижу выложенную клеточками плитку, тут же начинаю прыгать в “классы”; Везунчик увязывается за мной и запрыгивает на стул. Мама догоняет меня и крепко обнимает. Диндан, когда мы остаемся одни, бьет меня, отвешивает затрешины, ругает: “Дура несчастная, тебе такое счастье в жизни привалило, а ты принцессу из себя корчишь!”. Говорит, что пройдет немного времени, я превращусь в старую суку с отвисшими до земли сосками и яйцеклеток у меня больше не будет.

Этот зеленый халат какой-то заколдованный, вроде бы свободный, а не продохнуть.

Хочется вырваться из своего тела.

Хожу из комнаты в комнату.

– Если тебе, Персик, ничего не “посадили”, то и хорошо, – кривит рот Лимон, поглаживая мой зеленый халат. – Фрикаделька Нью, этот скряга, “петух железный”, как таких называют, придумал различать нас по цвету одежды: если не беременная – носишь белый халат, три месяца беременности – зеленый, от четырех до шести месяцев – меняешь халат на синий, от семи месяцев до родов – на красный. Вот так, понимаешь ли, беглый взгляд – и будто выписку из банковского счета получил, вся собственность перед глазами.

Я с трудом уясняю суть дела, словно сливовую косточку разгрызаю.

– В центре ожидают богатый урожай, кто-то слышал, как он говорил: “Через пару месяцев в центре появятся на свет шесть продуктов рождения, среди синих халатов семь производительниц продуктов рождения перейдут в категорию красных, из числа зеленых, а если ничего не случится, трое тоже могут оказаться среди синих”... Момент ответствен-

ный, он лично следит за питанием, в тарелки заглядывает... А во сне деньги подсчитывает.

На лице Лимон ни морщинки, кожа гладкая, как облицовочная плитка.

Я разеваю рот и высовываю язык.

Если не ем, меня связывают и впихивают насильно. А когда не получается, бьют, колют пальцы иголкой. Стоит Диндан поднять эту иголку, я тут же сметаю все, что на тарелке.

Очень хочется маминого супа из карасей с шинкованной редькой, она мелко крошит туда острый перец, ставит на маленькую печурку, бульон булькает, караси свежие и сладкие, кусочки редьки тоже, еще надо добавить немного вареного риса. Кости и головы отдам Везунчику. А сама доем остальное.

Везунчик научился устраивать представление. Стоит ему увидеть у кого-то в руке кость, идет на поклон, встает на задние лапы и крутит длинной шеей. Если кто-то направит на него сложенный из пальцев “пистолет” и скажет “бах”, тут же падает и лежит, не шевелясь, притворяется мертвым. Еще может изображать, будто молится: ставит передние лапы на стол и кладет на них голову. А при “пистолетном выстреле” упадет, но кость ни за что не выпустит.

10

В комнатах все спят, как глаза прикрыты двери. Тускло светят ночники. На дверях мерцают таблички с номером. В коридоре ни звука. У меня в горле похрапывает какая-то кошка. Следом двигается черная тень, то идет, то остановится. Поворачиваюсь, а ее и след простыл. Тихонько поднимаюсь по лестнице, вроде бы избавилась от нее, но в коридоре оказывается, что она по-прежнему следует за мной. Льнет к стенке, словно тонкий лист бумаги. Поворачиваюсь — опять исчезла. У самой стены сжимаюсь в комок на полу: в этом положении замечу любого злого духа, откуда он ни появится.

В конце сумрачного коридора еще более расплывчатый мрак. С зажженной свечой подходит мама. “Вэньшуй, пойдём пописаешь”. Туалет на заднем дворе, там в бамбуковой рощице беспросветная темень, могильные холмики, а в них черные дыры. “Не бойся, Вэньшуй, мама с тобой”. Мама со скрипом открывает дверь туалета, из мрака появляется высоченный мужчина, шею его обвивают чьи-то руки. Мужчина оборачивается и обнимает ту, что скрывает темнота.

— Тсс, уже светает, как бы не наткнуться на кого.

— Письмо срочное, не забудь обязательно отправить сегодня. Узнаю голоса Маленького Генерала и Снежной Груши.

— Спи, — целует меня мама и задувает свечу.

— Кто ночью обход делал? Как можно было не заметить спящего в коридоре человека? На полу такая холодина, а если бы отморозила чего? Если бы выкинула, что тогда? В моем центре подобные серьезные происшествия исключены! — яростно выпаливает, подбоченившись, президент Нью. — С самого основания не было таких вопиющих происшествий, да и менее вопиющих не случалось. — Он повернулся к женщинам и сердито продолжил: — Я о вас забочусь, ухаживаю за вами, отношусь как к родным, а вы вечно недовольны, бунтовать собираетесь. Покорнейше прошу, поставьте себя на мое место и подумайте, поразмышляйте над тем, каково мне заведовать таким большим центром, думаете, легко мне, сукину сыну, управлять всем этим?

— Президент Нью, принято говорить “тебе, сукину сыну”, “мне, сукину сыну” не говорят...

— Как это не говорят? Как хочу, так и говорю.

— “Сукин сын” значит “девкин сын”, нагулянный то есть...

У президента что-то встало поперек горла, кадык ходит вверх-вниз, словно он с трудом что-то проглатывает.

— ...у государства свои законы, в семье свои порядки, в учреждении своя дисциплина. Без правил ничего хорошего не получится, позволь я вам поступать, как в голову взбредет, центр давно бы уже развалился, и какая вам от этого польза? Где еще вы такие неплохие деньги заработаете? Вам повезло, центр не только не развалился, но и бурно развивается. О чем это говорит? Даже если задним местом подумать, станет ясно: все говорит о том, что мои правила разумны, эффективны, и ими можно руководствоваться и дальше. Хочу, чтобы вы соблюдали порядок в центре, я и сам все делаю строго в соответствии с контрактом.

Я когда-нибудь задерживал выплату хотя бы одного фэня? Нет, не задерживал. Обманывал хоть раз? Нет, не обманывал. Разве не ставил себя частенько на ваше место, не думал о вашей выгоде? Да. Я забочусь о вас материально, забочусь о вашей духовной жизни, два кинофильма в неделю — и художественные, и про любовь, и мультики, — все делаю, чтобы вы были довольны. А еще можете картинки складывать, вышивать, музицировать, рисовать — все, что душе угодно, а вам бы только письмо написать или позвонить. Это никуда не годится. Пока вы здесь, вы избавлены от всех забот, и душой тоже должны быть здесь. Сосредоточьтесь на этом, и почувствуете радость, а радость позволит произвести здоровый продукт рождения. Относиться к клиентам халатно я не могу. Во всяком случае, вы тоже должны нести ответственность за жизнь, верно ведь? И пока эта жизнь у вас в утробе, относитесь к ней по-доброму, в этом и есть высокая нравственность.

— Ты, президент Нью, сам себе противоречишь, призываешь не поддаваться чувствам, но ведь, родив ребенка, мы не имеем права даже взглянуть на него. По твоим словам — мы вместилище, домик, ну, домик так домик, мы все так и делаем, как ты говоришь. — Дуриан сглатывает, глаза выпучены. — Вот ты говоришь о добром отношении... А ведь доброе отношение часто переходит в любовь, может, линейку дашь, чтобы мерить его?

— Ты, конечно, ловко все переворачиваешь, но, даже если и переспоришь меня, будут ли у тебя еще яйцеклетки? Оставленную на твое попечение лайку-хаски любить не надо, но ухаживать за ней ты должна. Если она тяжело заболевает, это же будет скверно? — парирует президент.

— Материнство дано от природы, а превозмочь инстинкт не так-то просто. — Дуриан выпрямляется, размахивая рукой. — К примеру, течка — явление естественное, но желания приходится сдерживать, а это невыносимо. Так понятнее, президент Нью?

— Как же так? Я вам о дисциплине, а вы одна за другой начинаете критиковать и поучать. Здесь не тюрьма, не нравятся — скатертью дорога. Служивый, открой ворота. — Такое президент Нью выкидывает, когда ему нечего возразить.

Все замирают, молча уставившись на миски с жидкой кашей, пирожки на пару, молоко, яйца, морковь.

— Не понимаю, к чему вы в конце концов клоните? Что задумали? Чтобы легче было понять, скажу так. Курица несет яйца. Снесла — и прочь пошла, большое яйцо или маленькое, бурое или белое. — Тут он машет рукой. — Служивый, добавь еще одно положение в правила: запомните, в центре не разрешается обсуждать чувства и материнский инстинкт, нарушителя ждет штраф пять сотен.

Женщины поднимают головы, и их вытаращенные, округлившиеся, как блюдца, и вдруг засверкавшие лампочками глаза высветили ослепительно белую кожу президента, густую поросль волос на руках, и лицо, все в похожих на волчьи ямы рытвинах.

Подступает тошнота, я разеваю рот, и от беззвучно выкатившегося из горла комка нависшее безмолвие разлетается на куски.

12

В телевизоре перед столом стоит безволосый мужчина, в руке у него кисть, он хлопает глазами и изъясняется очень церемонно. Скажет несколько слов — и проведет кистью по бумаге, еще поговорит — и на бумаге появляется несколько точек, потом, после пары фраз, — еще несколько, и на бумаге

появляется человек с бородой длиннее волос. “Ого!” — восклицают женщины. Одетый каждый день в одно и то же, этот мужчина, стоя перед столом, разговаривает и рисует. То дерево, то гору. Рисует и рисует, пока на экране не появляется женская прокладка, которая, кружась в танце, превращается в девушку в белой юбке. Девушка танцует, в воздух взлетают раскинутые ноги. Она запрыгивает на кровать. Катается по ней. Громко хохочет. Снова превращается в прокладку и продолжает танцевать. Ей наливают стакан воды, она раскрывает рот и всю ее высасывает.

Тут Маленький Генерал телевизор выключает. Женщины принимаются за дело. Разворачивают бумагу, наливают тушь, вооружаются длинными кистями, как кинжалами. Засучив рукава, кто-то стоя, кто-то сидя, они взмахивают руками, словно готовят кушанья для банкета, рубят мясо, нарезают овощи, моют посуду. Вокруг разносится запах туши, немного смахивающий на вонь сточной канавы. Вскоре на бумаге уже есть на что посмотреть: у одной получилось яйцо, другая изобразила распускающийся цветок, третья нарисовала женскую грудь, четвертая дрожащей рукой, словно вырезая по дереву, старается провести вертикальную черту.

От Маленького Генерала пахнет туалетным мылом, будто он только что помылся. Со строгим выражением лица он неторопливо прохаживается небольшими шажками, туда посмотрит, здесь задержит взгляд. Наконец подходит сзади к Дуриан и прилипает к ее мясистой заднице. Пышные тела сплющиваются и накрепко, как большой магнит, притягивают к себе Маленького Генерала. Чуть помедлив, тот неторопливо отпихивает эту роскошную плоть и одергивает на себе одежду.

На стене пятно. В животе раздается звук. Словно птичьи коготки царапнули по черепице. Доносится голос мамы: “Вэньшуй, иди есть”. “Вэньшуй, подай матери чаю”. Я все смотрю на пятно на стене. Мухи насидели, что ли? Ветер месит облако, и это уже не облако, а собака. Ветер месит облако, и это уже не облако, а корова. За мной ветер не прилетает, и я по-прежнему я. Мамина одежда из хлопка, мягкая-премягкая. Шторы тоже из хлопка. Отрезала кусочек. Примерила на себя. Пальцы касаются прожилок ткани, и на душе хорошо-хорошо.

— Персик, что ты там на стене усмотрела, иди сюда, порисуй. — У Снежной Груши лицо довольное, уставилась на меня, словно ищет в моих глазах вчерашнюю ночную тайну, это ее тайна, а я ее обнаружила, вот она и хочет ее вернуть. — Что ты с драной тряпкой играешь, брось ее, я тебе куклу Барби дам.

От нее пахнет Маленьким Генералом. Мы обе тянем к себе этот кусок ткани, никто не хочет уступать.

— Снежная Груша, не стыдно тебе обижать Персик? — раздается голос Лимон.

— А кто ее обижает? Я к ней со всей душой, а она как дура, никакой благодарности.

— Это кто еще дура? — встречается Дуриан. — Напрасно считаешь себя умнее.

— Ну конечно. Ты-то такая же умница, как и она.

— Опять бранятся. И откуда только силы берутся. — Яблоко рисует домик, у порога маленький мальчик играет с волчком, радостно прыгает черная собачка. — Фрикаделька не разрешает говорить о материнстве, а я все же скажу. Если кто желает родить и награду получить — милости просим. Материнство — это чувство, которое испытываешь не только к своему ребенку, но и, должно быть, ко всему живому, в том числе к слабоумным, о которых вы говорите, к увечным, к животным... Всех любишь, ко всем проявляешь снисхождение.

— В этом центре мы что, богородиц изображать должны? — хмыкает Снежная Груша.

— С тех пор как у меня сын появился, вот так на мир я и смотрю. Особенно после того, как он ушел.

— Ты новеньким расскажи про сына, поведай про эту беду.

— Не хочу уподобляться тетушке Сянлинь¹, — отвечает Яблоко. — Одним словом, мне нравится то, что я делаю.

Я поглаживаю кусок ткани, смотрю на пятно на стене. Женщины продолжают болтать. Я вздыхаю. Мама стоит, опершись на финиковую пальму, дует ветер, и багряные цветки опадают на нее. Все женщины теперь в красивых головных уборах. Я ощущаю цветочный аромат.

13

Никак не сосчитать, сколько комнат в этом доме. Только дойду до девяти и сразу возвращаюсь к единице. Помедленнее надо считать, что ли, хватать каждую цифру и наступать на нее ногой, чтоб не сбежала. Мама с этим легко справлялась, стоило цифре откатиться, она тут же хватала ее большим и указательным пальцами и возвращала на место, потому что цифры у нее превращались в соевые бобы. Цифры маме повиновались и послушно лежали кучкой, как пушистые цыпля-

1. Тетушка Сянлинь — героиня рассказа Лу Синя “Моление о счастье” и одноименного фильма, без конца рассказывала всем подряд о гибели маленького сына, вызывая насмешки.

та. А еще мама умела превращать цифры в следы, что остаются на тропинке после дождя. Я тоже пытаюсь отпечатывать цифры в коридоре, но нет: досчитаешь до девяти, а они тут же возвращаются к единице. И все же, поднимаясь по лестнице, я продолжаю считать — девять, девять, девять... Дверь офиса президента Нью открыта, доносится женский голос.

— Теперь твоя очередь, Дуриан, расскажи, когда у тебя было в первый раз? С кем? И где?

— Что, все как есть, рассказывать?

— Это же игра в “правду”, конечно, все как есть.

— Хорошо. В четырнадцать лет, во втором классе средней школы, дома у одноклассника.

— А поподробнее?

— Да ладно, я тогда еще ничего не понимала, все было как-то не так.

— А как это не так?

— ...

Президент Нью слушает, подперев щеки, все рытвины на лице покраснели. Заметив меня, выключает запись, садится прямо, руки, словно поссорившись, оказываются каждая на своей стороне стула:

— Кхм... Номер сто шестьдесят восемь, крепись. Через какое-то время сможешь есть сколько душе угодно. — Правая рука меняет гнев на милость, первой ложится на левую, поглаживает ее, а тут и левая правую простила, перевернулась и ухватилась за нее, обе руки теперь вместе, потирают, похлопывают друг друга. Снежная Груша с Маленьким Генералом прильнули один к другому губами, издавая еле слышные звуки. Руки Снежной Груши плющом обвивают его шею, одну ногу она закинула ему на пояс, Маленький Генерал крутит задом, словно хочет освободиться от захвата, его попытки продолжают довольно долго, пока все не опускается само.

— Я знаю, тебе нравится суп с помидорами и яйцом, свиные ребрышки на пару в панировке из рисовой муки, жареное мясо с острым перцем. Придет время, и ты у меня будешь есть вволю. — Он указал на музыкальный центр. — Это бабье лишь языком трепать горазды, живут припеваючи, а понять этого не хотят. Никак не желают достойно провести эти десять месяцев. Меня беспокоит то, что яичко не будет снесено, вот от чего сердце разрывается. Эх, пусть даже так, как говорится, курица улетела, яйца разбились, остался ни с чем, что ж, и такое бывает. Я уж не говорю о том, что случись какая проверка, так это вообще полный крах — все время этот меч над головой, это же так опасно! Вот уж поистине бесчувственные и неблагодарные, как говорится, самые настоящие волчицы с белыми глазами.

Самые настоящие...¹ Десять, десять... Наконец-то я досчитала до десяти.

— Разрешите доложить, господин президент. — В дверном проеме возникает Служивый.

Президент отвинчивает крышку термоса. Столько наговорил, нужно воды глотнуть.

— Дверь закрой.

Служивый хочет выпихнуть меня за дверь.

— Говори, она не мешает.

— Маленький Генерал раньше “Чжуннаньхай” курил, а последнее время на “Чжунхуа”² в мягких пачках перешел... Подозреваю, помогает письма отправлять, профит на этом делает.

— Подозревает он, а что толку от твоих подозрений? Я же тебе говорил: в любом деле нужны доказательства. У нас в центре все делается по закону. Нет доказательств, значит, ничего и не докажешь. — Президент вытягивает перед собой белые руки, тут же убирает их, и на лице разливается довольство:

— Чего только не переделали эти руки — и грузчиком был, и каменщиком, и поваром, и долги взыскивал, и нож держать приходилось, и людей резать, а я по сей день цел и невредим. Хотя кое-какие раны имеются. Глянь вот, этот шрам уже пятнадцатилетней давности; а эту дырку тринадцать лет назад получил; этот палец отрезан, заново пришивали, заметно, что немного кривой. Но ничего. Я хочу сказать, что по сравнению со многими другими делами в мире снести яйцо легче всего. К примеру, созрел плод — бух! — и упал на землю, ты когда-нибудь слышал, чтобы дерево кричало от боли? Видел, чтобы оно отказывалось плодоносить? Ведь нет, верно?

— Номер сто шестьдесят восемь, тебе, дурочке, страшно повезло, что встретила меня. Цены нынче такие высокие, иные все силы кладут, чтобы ребенка вырастить, кто захотел бы взять тебя в дом? Спала бы сейчас рядом с общественной уборной, питалась бы отбросами, а возможно, какой-нибудь скот насилывал бы тебя раз за разом... А-а, даже представить страшно. Тебе, конечно, еще родителей благодарить надо, что они худо-бедно тебя такую симпатичную выродили, здоровенькую, как телочка. Видать, предки твои много доброго сделали.

— Да уж, кабы не добрая душа президента Нью, эта дурочка до сих пор бы на улице вшей кормила! — поддакивает Служивый.

1. Игра слов: в состав слова “шицзу” — “самый настоящий” входит иероглиф “ши” — “десять”.

2. “Чжуннаньхай” — марка недорогих популярных сигарет, “Чжунхуа” — высококачественные дорогие сигареты, часто используются в виде подарка.

Президент ухмыляется, складывает белые руки на животе, и они вместе с ним вздымаются и опускаются.

Один, два, три... девять, девять... десять, спят на животиках десять белых свинок.

14

Яблоко молча постоянно вяжет что-то из шерсти, тонкие бамбуковые спицы снуют у нее в руках туда-сюда. Повяжет, остановится, отложит вязание на кровать и начинает шарить, копаться, как слепая, или зароется лицом в подушку, плечи подрагивают, руки вытирают слезы. А то вдруг вытянет спицы и начинает распускать связанное, нитка бежит быстро, как мышка, а клубок в руке увеличивается.

— Он в самый первый день, когда только родился, еще и глазки не открыл, тут же крепко вцепился мне в палец. А года в два-три пытался помочь маме, все говорил: “Моя мама — самая лучшая в мире”.

Клубок падает на пол и катится к двери, его приносит Везунчик, кусая и трепля.

— Если бы не сверхурочная работа, я бы в тот вечер вместе с ними пошла... — Яблоко подходит к окну, выглядывает через решетку: там серая стена.

Кап-кап-кап, течет время. Кап-кап-кап, падают капли дождя. Подставляю под них ладони. Моя мама — самая лучшая в мире. Несет коромысло, в одной корзине фрукты и овощи, в другой — я. В одной удобрения, в другой — я. В одной рис, в другой — я.

Наверху на террасе есть цветы, деревья. Трогаю листья, нюхаю цветки, слушаю, как они шелестят. Смотрю, как ползет нарядная букашка, а она вдруг раскрыла спрятанные под панцирем крылья, будто два ножа метнула, и взлетела, подняв целый вихрь. Посмеиваются листочки деревьев. Поле. Рошица. Дикий сельдерей по краям канавы. Насекомые. Птахи. Над головой белесый небосвод. На деревьях стрекодут цикады — поймай, а ну, поймай меня. Пчелы жужжат в цветущем рапсе — поймай, ну-ка, поймай. Гудят жуки-усачи — поймай, а ну, поймай.

Муравей забирается на дерево, описывая круги вокруг ствола, забирается на край листка и недовольно смотрит вдаль, словно хочет прыгнуть. Подумав, неторопливо разворачивается и возвращается прежним путем, спускается по стволу и скрывается в земле. Зажмуриваюсь и начинаю ловить рыбу. В тени под ивами плещется вода. У самой поверхности порхают поденки. То наталкиваются на собственную тень, то взмывают в небеса. Солнце клонится, на повер-

ность воды падает моя тень, я неподвижно слежу за поплавком. Жду, когда рыба клонет на мою тень. В небе нарисовалось длинное белое облачко. “Это самолет, — говорит Дубинноголовый, — хочешь посмотреть?” Что-то шепчет трава. Я жду, когда рыба клонет на мою тень.

Смотрю на женщин сквозь тонкую сетку листы. Толстые, лица отечные. На меня падают солнечные лучи, пушистые такие. У них здесь собрание, столпились, как пингвины. Под порывами ветра халаты прилипают к телам, ясно обрисовывая их формы. Резче всего выступают зады и животы. Ноги точно прилипли к полу. Опустили головы и молчат, словно решили почтить память сгинувшего в земле муравья. Везунчик гоняется за мухой, щелкая пастью. Нарисовав в воздухе пару больших иероглифов, муха садится на халат Лимон.

Я подхожу и оказываюсь среди них. Листком закрываю глаза Лимон. Ее ресницы еле слышно скребут о листок.

— Персик, давай с тобой сыграем в одну игру, завтра, когда прозвонит звонок на завтрак, в столовую не пойдем, останемся в комнате, — говорит Лимон. От нее исходит цветочный аромат.

15

Я лежу на кровати. Играю в игру. Заливается звонок на завтрак. В животе бурчит и булькает. Пузыри долетают до ушей и с хлопком лопаются. В голове гудит звонок. Через некоторое время выхожу из комнаты. В двери стучат Служивый и Маленький Генерал. — Пора завтракать, быстро в столовую. Тук-тук-тук. — Быстро в столовую, вас ждет президент Нью. — Служивый больше не стучит, Маленький Генерал продолжает. То в одну дверь постучит, то в другую. Стук разносится по всему коридору.

Везунчик порывается, хочет облаять Маленького Генерала. Подхватив его, иду в столовую.

Там, заложив руки за спину, ходит кругами президент Нью. Лицо круглое-прекруглое, будто надутое, вставленные во Фрикадельку глаза, кажется, вот-вот выскочат из орбит, волосы торчком, словно вся голова утыкана рыбьими костями. Бросил на меня долгий взгляд, будто не узнает. И снова пошел кругами. Костюм сидит плотно, на спине целый ком мяса выступает.

— Ишь раздобрел.

— Что они там за стук затеяли, никакая еда в горло не ползет. — Это Ананас шушукается с одной женщиной.

— Вчера вечером прискакали ко мне в комнату, хотели, чтобы я от еды отказалась, просто безобразия. Что плохого в том, чтобы есть и спать в определенное время? Чем плохо,

что еда питательная и готовится по специальному рецепту? Как можно весь центр вверх дном ставить?

— Вот именно, тело ведь сдается внаем, все по-честному, в соответствии с договором.

— Поглядим, чем закончится это представление, высоко ли подпрыгнут эти кузнечики.

И тоже стали ждать представления. Значит, будут еще и кузнечики. Сами зеленые, глаза желтые, подпрыгнут — и нет их. Может, будут еще и цикады, жуки-усачи, пчелы, летучие мыши, бабочки.

Лимон и остальные вplываюТ стайкой рыбешек, а водой им — тишина.

— В чем дело? — еле сдерживается президент. — Звонок плохо звенит или вы оглохли?

— Докладываю, президент: звонок звенит хорошо, и мы не оглохли, — отвечает Дуриан. — А тебе следовало бы знать, что беременным всегда сна не хватает.

— Все им чего-то не хватает!¹ — удивляется президент. — У меня с отчетностью все кристально чисто.

— Она имеет в виду, что беременные не высыпаются, не то что барышня Диндан, ее и кормят всегда досыта, — поясняет Лимон.

Президент замирает, лицо у него идет пятнами, становится каким-то пестрым. Примерно такого же цвета оно было, когда уткнулось в холмики мисс Диндан. Там, на диване. ЭТАКИЙ жирный поросенок свиноматку сосет, причмокивает, с одной титьки на другую переходит, да еще постанывает. Неправильно Лимон выразилась, это Диндан кормит президента досыта. А он молочка насосется, ремень расстегнет и ну, как Дубинноголовый, пышущую жаром штуковину в Диндан охлаждать пристраивать, и довольно долго охлаждает. У Диндан ножки белые, пухлые, болтаются, будто обрубленные.

— Народу в центре не один десяток, и все каждый день ждут, что я и поесть подам, и деньги обеспечу. Я чувствую ответственность по отношению к вам. Понимаете? Чувствую ответственность, а вот вам ее как раз и не хватает. — Президент снова обретает грозный вид, поднимает руку, смотрит, который час, и находит решение на этих сверкающих золотом часах: — И так задержались на полчаса, полное безобразие. Все за стол. Начинаем завтрак.

— А сегодняшнее... С этим как разбираться? — уточняет Служивый.

1. Игра слов: выражения “нехватка сна” и “недоимка” звучат похоже — “цяньюшуй”.

— В соответствии с правилами распорядка, какой штраф положен, такой и назначать. — Президент проводит ладонью от лба до затылка.

— Нарушителей шестеро...

Президент Нью смотрит на Служивого.

— Если много, то и не штрафовать, что ли? Если много, значит, они правы? Если не оштрафовать сегодня, завтра еще больше народу не станет в назначенное время есть, спать, и все полетит кувырком.

— Сегодня нас оштрафуешь, а завтра таких, как мы, будет еще больше. Вот тогда и правда все полетит кувырком, — говорит Лимон.

— Ага, с голоду помирать. По мне так лучше есть в определенное время, — стучает палочками по столу Ананас.

— Ну-ну, свинью уж на разделку положили, а она еще повизгивает. Да, есть такие, что на все согласны, сами на острие ножа бросаются, лишь бы мяснику легче было, — хмыкает Дуриан.

— А тебе-то кто дал право других поучать, ты, такой же “домик”, как и все? Не надо братья за хаски ухаживать, если больно умная! — возмущается Ананас.

— Поменьше бы языком чесали. Разве кто пошел бы на это? Выхода не было.

— Ошибаешься, Снежная Груша, я вот на это с радостью пошла. — Яблоко гладит свой живот. — Для меня это время — одно наслаждение, от меня зависит чья-то жизнь, да и я тоже от него завишу — хотя он и не мой ребенок... Может, тебе не понять, что я чувствую, но для меня это действительно счастье. Что может быть прекраснее — подарить кому-то жизнь.

Женщины потупились, словно пытаясь обрести счастье, о котором говорила Яблоко.

— Вот это и значит делать добро! — похоже, президент Нью наконец нашел ключ к замку. — Поддерживать огонь в алтаре семьи, исполнять желания людей стать родителями, разве это не значит делать добро! Так что для вас следовать правилам и соблюдать дисциплину, производить качественные продукты рождения и, значит, делать добро, Для отдельной семьи и в целом для государства.

Возражений не последовало.

— Каждый волен покупать и продавать. Ворота открыты настежь, хотите уйти — можете это сделать в любое время. — Президент повеселел. — У меня в центре надо лишь соблюдать дисциплину и следовать установкам, и ты свободен на все сто. — Он шевельнул пару раз толстыми, как фрикадельки, плечами. — Кстати, понимание свободы у вас очень поверхностное.

Из уголков открывшегося рта у меня стекает слюна, вытягиваясь в густую нить, сверкающую, как шелк.

[100]

ИЛ 4/2018

16

— Думаешь, у меня и вправду есть какие-то права в этом центре? Фью. Просто тоскливо тут и невыносимо тяжело. Я словно труп ходячий, о какой тут свободе речь, о каких правах, смешно... Приходится искать, как отвлечься. Вот и нашла себе дело, верно? Стала главной в борьбе женщин за свою свободу и права, экий престиж. С виду я у них заводила, многие следуют за мной, преклоняются... Эх. Никогда не верь глазам своим, правда лишь то, что не видишь... Тоскливо очень. И невыносимо тяжело. Но игру надо продолжать. Сражаться с Фрикаделькой так занятно. Он ведь таки сократил именование своей должности “главный управляющий головного офиса” — “цзунбу тунгуань” до “президента” — “цзунтун” и наверняка спит и видит себя во главе целой империи... Все беременные найдут у него приют...

Лимон стремительно набрасывает в дневнике иероглиф за иероглифом, но не поспевает за темпом речи, время от времени закрывает рот и кончик ручки в одиночку шуршит по бумаге.

— Я люблю его, и мне никого так не полюбить, как его... Чтобы спасти маме жизнь, я пойду на все.

Уже трижды прозвенел звонок. Лимон закрывает дневник.

— Персик, пойдём есть. Такое удовольствие смотреть, как Фрикаделька из себя выходит. Знаешь, на самом деле душа у него бесхитростная, и актер из него никудышный.

Обстановка в столовой праздничная. Наскоро установили сцену, развесили красные плакаты с лозунгами. Трепыхается гирлянда разноцветных воздушных шаров, кругом расставлены корзины цветов.

— Десять минут уже прошло, почему не подают на стол? — гаркает Ананас.

— Еще один человек не пришел, вот и не подают. — Служивый поглядывает то на часы, то на пустое место за столом.

— Мало им штрафа назначили, увеличить надо, жестко штрафовать, пока не будут, как миленькие, появляться за столом минута в минуту. — И Ананас опускает на стол увесистый кулак. — Мать его.

К ней подходит Дуриан:

— Что ты сказала?

— А ты что, оглохла? — взвывается Ананас.

Дуриан с размаху влепляет ей пощечину. Ананас замирает. Но быстро приходит в себя. Она встает, выпячивает живот, как грозное оружие, в твердой решимости и самой погибнуть, и врага погубить в смертельной схватке. Она вцепляется

ся в длинные волосы Дуриан. Та волей-неволей задирает голову и, глядя в потолок, беспорядочно размахивает руками, как не умеющий плавать, который вот-вот скроется под водой. При этом она в долгу не остается и тоже вцепляется в шевелюру Ананас, обе сталкиваются головами, их руки, волосы — все перепутано.

— А ну отпустили руки, обе, прекратите драку, — пытается разнять их Яблоко.

Ананас рыкает по-львиному, и все трое с опущенными, как у пингинов, крыльями валятся на пол. Двое, не торопясь, поднимаются, поправляют волосы и отряхиваются, тяжело дыша. Яблоко остается лежать, она обхватила живот, и лицо ее постепенно бледнеет.

— Никак рожать собралась! — ахает кто-то. Вся столовая взволнованно гудит.

На красном халате Яблока расплывается мокрое пятно. Ее уносят.

Задор Ананас гаснет, она уже похожа на кучку золы, что колышется под ветром.

В это время подают еду. Женщины сидят не шевелясь. Никто даже не тянется за палочками. Никто не разбивает яйца о край стола. Никто не макает хворост в соевый соус. Никто не разламывает мантов, чтобы добраться до мясной начинки. Никто не притрагивается к пельменям. Никто не добавляет уксус в соевый соус. От пельменей разносится жар. В бульоне плавает нарезанный лук. Крепко сжатые кулачки Клубники лежат рядом с чашкой. Один вареный на пару пирожок лопнул, показалась начинка, вытекло немного сока. Руки вдруг пришли в движение и схватили пирожок.

— Извините, услышала, как он у меня в животе заплакал от голода... Вот и не сдержалась. — Все, что было на тарелке, она смела подчистую.

17

Из динамика несутся беспорядочные звуки, похожие на топот лошадей. Служивый в черном европейском костюме, голубой рубашке, красном галстуке, черных кожаных туфлях, лицо напудрено, волосы зачесаны направо и свисают, как речная трава. По узкой ковровой дорожке красного цвета он подходит к небольшому микрофону. Топот копыт прекращается. Он дует в микрофон.

— Всем добрый день! Мне оказана честь вести сегодняшнее торжественное мероприятие, я работаю в центре давно и очень волнуюсь. — Служивый сглотнул слюну. — Центр —

это дружная большая семья, дух центра — счастье. По указанию президента Нью, в целях развития культуры, укрепления сплоченности, повышения показателей счастья масс, я написал песню центра под названием “Райская обитель”, завтра мы официально начинаем ее репетировать.

Руки женщин безмятежно покоятся на коленях. А из динамика звучат аплодисменты и свист.

Служивый, улыбаясь, сдвигает ноги, ждет, когда утихнут аплодисменты, и продолжает:

— Вы приехали из разных уголков страны, чтобы собраться вместе в центре. С первых дней его существования мы старались учитывать самые разные предложения касательно питания, повседневного быта, развлечений, здоровья, хорошего настроения, постоянно вносили поправки и дополнения с целью удовлетворения потребностей и чаяний всех пациентов...

— Ерунда все это! Кто наше мнение спрашивал? Дуриан вон хотелось острой соевой пасты, сто раз обращалась с просьбой, и все без толку... — выкрикивает Лимон, но из-за микрофона ее не слышно.

— Уверен, что, покидая центр, вы навсегда запомните его тепло, уют и радость...

— Враки... Тюрьма здесь настоящая...

— А теперь приступаем к самой важной части торжественного мероприятия, слово имеет главный управляющий головного офиса центра господин Нью Юйгэнь. — Динамик разражается громом аплодисментов.

Сияющий Фрикаделька, улыбаясь во весь рот, легко преодолевает ступеньки сцены. На ходу приглаживает новый галстук с узлом, похожим на выросший на шее кадык. Микрофон упирается прямо в нос. Ухмыляясь, он обводит взглядом зрителей. В динамике звучат нескончаемые аплодисменты. Он поворачивается и машет рукой. Сразу становится тихо. Президент Нью такой толстый, что ноги сами расходятся в стороны, как в иероглифе “восемь”. Он проводит рукой по лицу, будто снимая маску, каждая черточка занимает свое место и в результате складывается торжественное выражение. Вынимает бумажку и вытягивает руку с ней далеко вперед, словно дальноточный старик, который силится прочесть руководство к электроприбору.

— Приветствую всех, уважаемые дамы, добродетельницы, производители продуктов рождения. Я очень рад сегодня доложить всем о работе центра. Без всякого сомнения, главное в центре — это вы, без вас у центра не было бы ни настоящего, ни тем более будущего. Мне, как президенту центра, особую радость доставляет разделять вместе с вами его успехи. Прежде всего, я благодарен нашему времени, которое пре-

доставило центру историческую возможность развиваться и процветать. Экономическое развитие — штука хорошая. Что такое экономика? Экономика — это деньги, а деньги — это хорошо. Это ни в коем случае не преклонение перед деньгами, не вещизм, ни тем более вульгарная погоня за прибылью. Только больные на голову люди могут испытывать ненависть к деньгам. Деньги нужны даже для того, чтобы купить зубочистку, это реальность, а реальность такова, что деньги могут обеспечить неплохую жизнь. С деньгами ты можешь лечиться в хорошей больнице, деньги позволят вашим детям получить хорошее образование, на деньги вы можете покупать им импортные молочные смеси. С деньгами можно позволить себе экологически безопасные и органические продукты. С деньгами можешь жить в просторном доме. Деньги дают возможность помогать тем, кто нуждается в помощи. Вплоть до того, что с деньгами можно найти любовь, на склоне лет обрести вторую молодость. В скобках: здесь звучат аплодисменты...

Из динамика несется гром аплодисментов. Волнами прибоя накатываются крики одобрения.

— Должно быть, это Служивый ему писал, — хихикают женщины, зажимая рот рукой.

— Все больше людей богатеет, достаток помогает во многом, в том числе избавляет женщину от страданий, если она уже не может рожать, дает возможность осуществить давнишнюю мечту. А в связи с этим те, кто нуждается в деньгах, получают достойную работу, которая позволяет за короткий срок получить доход в сто раз больший, чем у простых людей, и быстро решить жизненные проблемы. Центр — это своеобразная райская обитель. В эпосе Гомера рай — прекрасная долина за морями и реками, где нет ни бурь, ни дождей, ни суровых холодов, где нет зимы и круглый год веет ласковый ветерок. В поэтических и иных литературных произведениях рай — это место, где царят красота и блаженство. Райской обителью достоин называться и наш центр. Благодаря ему люди находят выход в безвыходной ситуации, и многие семьи обретают счастье.

Президент Нью делает паузу.

Из динамика снова несется аплодисменты. И одобрительные возгласы.

— Вот уже несколько лет мы отстаиваем главные ценности центра. Следя за развитием науки, мы сосредоточили силы на освоении новых творческих подходов, для того чтобы приносить пользу людям, ведь человек превыше всего. Мы управляли центром, руководствуясь законами и разрабатывая эффективные методы управления. Как президент торже-

ственно обещаю, что в будущем условия пребывания в центре станут еще лучше, мы приумножим его техническую оснащенность, расширим площади, предоставим еще больше удобств, создадим еще более близкую к идеалу жизненную среду.

Я благодарю вас. И почитаю вас. Вы вынашиваете не только продукт рождения, новую жизнь, вы вынашиваете будущее страны, ее мечту. Давайте же приумножим усилия и внесем надлежащий вклад в построение на основе демократии, культуры и гармонии богатого и могучего современного социалистического государства, осуществим великую мечту китайского народа о новом расцвете!

Шквал аплодисментов чуть не разрывает динамик, раздаются дружные выкрики:

– Райская обитель! Райская обитель! Райская обитель! Райская обитель!

По бокам сцены аплодируют Служивый и Маленький Генерал. Аплодируют охранники. Аплодируют повара. Аплодируют уборщицы.

Президент Нью складывает бумажку и, положив левую руку на правую, свешивает их между ног.

– А теперь хочу сообщить хорошую новость: вчера в центре в три пятьдесят и четыре двадцать после полудня две женщины благополучно разрешились от бремени и принесли два продукта рождения, достаточно безупречных. Мальчик весом четыре килограмма и девочка три с половиной. Тут же произведен расчет. Клиенты очень довольны, они передали дополнительно пятьдесят тысяч юаней, центр с этой суммы прибыли не получал, больше того, обе роженицы отмечены премией – по пять тысяч. Центр всегда будет их домом. Его двери для них всегда будут широко открыты.

Гром аплодисментов. Возгласы. Бах, бах, бах – лопаются проткнутые воздушные шарики.

18

Пришла жара, тараканов становится все больше. Когда гаснет свет, они бегают по всему дому. С пола доносится шорох бесчисленных ножек. Они совокупаются, гадают, откладывают яйца, и из щелей стайками выползают тараканчики-малыши. Они тихо разговаривают, дерутся, жалуются мамам. Мама быстро заваливаются брюшком кверху, вытягиваются и, подрыгав ножками, подышают. Уборщица выметает из углов их трупики и сваливает в мешок для мусора.

– Персик, девочка, как тебе идет синий цвет. Вспоминаю первый день, когда ты здесь очутилась: грязная, вонючая, на

теле вши размером со “старуху, что масло ворует”¹. Кто бы мог подумать, что, если редьку хорошенько отмыть, она будет такая сочная и нежная. Глазом моргнуть не успели, уже четыре месяца... А мне так очень нравится смотреть, как у женщин живот день ото дня увеличивается. Ребеночек в животе, что растение ночью: шурх, шурх, шурх — и вырос.

Уборщица подметает пол, моет туалет, вытирает столы, вытряхивает мусорные ведра и при этом говорит не умолкая.

— Какая жалость, такая красивая, а немая и слабоумная. Отец с матерью не ищут ли тебя повсюду? А?.. Хотя, кто его знает, ты для семьи, видать, обуза, никому до тебя дела нет...

В помещении поднялась пыль, и я выхожу оттуда.

Волосы Клубники распущены, выдаются белые груди, в ложбинке между ними изумрудная подвеска, похожая на островок зелени в глубоком горном ущелье среди снежных вершин. Пальцы пухлые, на тыльной стороне ладони полно ямочек. Она наносит на них увлажняющий крем. От растирания ладони розовеют. По комнате разносится аромат косметики.

— Вяленого мяса хочешь? Бери, это говядина, здесь еще полпакета. — Клубника все время что-то наносит на лицо, втирает, похлопывает, как улыбнется, так вся блестит. — Фрикаделька Нью — скряга каких мало. Говорит, что если хочешь пожевать чего, то это за свой счет, в контракте об этом ничего не прописано, но он обязательно что-то придумает, чтобы удовлетворить наши просьбы. И гляди-ка, устроил в центре лавку, где торгуют сушеной снедью.

Вяленое мясо “Пять вкусов”. Жую ломтик за ломтиком.

— Насчет себя мне все ясно, только бы дурака валять и не работать. Отец с детства все уши прожужжал: надо учиться, упорно трудиться, но, сколько он ни лупил меня, ни ругал, лени так и не выбил. И зачем непременно становиться лучше? Жизнь-то моя, и я сама решаю, как ее прожить. Это деградация? Ну и дайте мне деградировать как я хочу. — Она мазнула немного крема мне на лицо, растерла пальцем и стала похлопывать ладонью: — Для женщины главное — красота, а для красоты первое дело — хорошая кожа... Глянь на себя, какая красотка. — Она принялась складывать один за другим флакончики и баночки в выдвинутой ящик стола. — Отец перед смертью наказывал: найди две, три работы и трудись, трудись. Значит, пахать с девяти до пяти, толкаться в общественном транспорте, чтобы каждый месяц получать какие-то гроши? Да это зазря жизнь прожить...

Клубника вдруг замирает и начинает медленно поглаживать рукой живот. Через минуту там оказывается и другая ру-

1. Так кое-где в Китае называют тараканов.

ка. Клубника поддерживает ими живот, уставившись на свое отражение в зеркале, и глаза у нее влажнеют.

— Живой... — шепчет она, хватая меня за руку и прикладывает к животу. — Шевелится, чувствуешь?

Живот у нее теплый.

“Вэньшуй, братик твой опять озорничает”. Мама легонько шлепает себя по животу и говорит, как песенку поет: “Эй, Вэньтянь, слышишь, а ведь твоя старшая сестра здесь ждет тебя”. Я прикладываю ухо к животу: изнутри доносятся громкие звуки, шум и гам.

Клубника осторожно встает, словно пол скользкий, и начинает медленно ходить по комнате из одного конца в другой и обратно.

19

— Президент Нью отбыл на Мальдивы. На эти несколько дней его обязанности буду выполнять я. — Диндан распорядилась подавать на стол и продолжила сладким голоском: — Что касается времени принятия пищи, я вообще-то считаю, что настаивать на этом не стоит, каждый волен регулировать его сам... Но и в методах управления президента Нью тоже нет ничего плохого... Центр уже столько лет работает по этому распорядку... Вы не волнуйтесь, за время дежурства с делами я справлюсь и обо всем докладывать президенту Нью не буду.

— Ты очень добра, барышня Диндан. Но мы не хотим, чтобы ты что-то скрывала. На обед мы опоздали, на ужин тоже не сказать чтобы пришли вовремя, — подала голос Лимон.

— Зачем же вы так делаете? — выпучила глаза Диндан.

— Мы хотим иметь самые обычные права, хотим свободно писать письма и говорить по телефону.

— Иначе просто откажемся принимать пищу.

— А если все продукты рождения окажутся бракованными, центр разорится.

Диндан выпятила холмики и поправила декольте:

— Зачем это нужно — наносить урон друг другу?

— Вот мы и просим тебя употребить свое постельное влияние, — ввернула Дуриан.

Тут Везунчик будто спятил: мотнул головой, и зажатая у него в зубах кость отлетела куда-то далеко.

Женщины покатались со смеху¹.

1. Намек на недоговорку-иносказание (сехоуэй): “Бросать кость в пасть собаке — стараться угодить, идти навстречу”.

Человеку с очень белой кожей никаких тайн не скрыть. Диндан залилась румянцем, холмики тоже покраснели. Она засмеялась вместе со всеми, но лицо у нее перекосилось, и она уткнулась в холмики подбородком.

— Любое дело должно быть обосновано. Распорядок в центре формировался не один день и не два, и, если что-то менять, за пару дней тоже не изменишь. Вот что я предлагаю: 1. Вы представляете убедительные аргументы, подтверждающие вредность приема пищи в определенное время. 2. Доказываете, что невозможность написать в любое время письмо или позвонить по телефону может негативно сказаться на продукте рождения. 3. Вместе с этим приводите встречные аргументы.

Диндан говорит очень долго, все сидят молча и не моргая.

20

По мнению президента Нью, если женщине с большим животом много есть, на организм резко возрастает нагрузка — еда не усваивается, потому что человек в животе занимает слишком много места, и все уходит в шлак. Вот вбирать в себя много музыки — дело другое. Музыка питает продукт рождения, повышается его смышленость и коэффициент умственного развития. Классика, народные песни, джаз, кантри. Лучше всего усваивается симфоническая музыка. Каких только звуков не услышишь: тут и тарелки на куски разлетаются, бьется стекло, пилится металл, трещит электросварка, раскалываются дрова. Еще бывает, исполнительницы песен горланят, как деревенские бабы, зовущие на обед. А иногда звук тоненький, как нить, и острый, как кончик иглы. Тягучий и пронзительный, он напоминает писк голодных птенцов, разевающих рот в гнездах. Страшно хлопя крыльями, бурей налетает стая взрослых птиц, их пап и мам, других родственников. Булькнув, выскакивает солнце. Взрыв солнечного света пробивает дыру. По горке скатывается темная ночь. В небесах колышется шарик луны. Вдыхают растения. Магнолия с усилием раскрывает большие мясистые лепестки, осыпается пыльца.

Женщины сидят, сложив руки на животе и закрыв глаза, верхняя половина тела раскачивается в такт музыке.

Небо черное. Сияют звезды. По деревьям белкой скачет ветер. Встаю между двумя деревьями и зажмуриваюсь. И сама становлюсь деревом. По моим ветвям ползут муравьи. На листьях резвятся букашки. Деревья разговаривают между собой. И со мной разговаривают. Вэньшуй, видишь звезды? Это попкорн такой, лопнул и по небу рассыпался. А луну видишь? Это пампушка, что мама испекла. Обнимаю дерево, в листе белкой скачет ветер.

В темном углу лобызаются Маленький Генерал и Дуриан.
— Снежная Груша говорит, у тебя грудь накладная. Сама плоская, как яичница, завидует.

— А ты откуда знаешь?

— Да сразу видно — плоскодонка, что называется, “взлетная полоса”.

— Заглядываешься на ее мощи?

— Еще слышал, как она говорила, что ты налево ходила, что тебя муж застукал, вот и развелась.

— И ты ей веришь?

— Да мне плевать, что она болтает.

— Какой ей прок от того, что она хулит меня?

— Держись-ка ты от нее подальше.

21

Когда Везунчика перестало тошнить, он заполз в угол и недвижно лежал там, даже хвостиком не вильнет. Я беру его на руки и хожу из конца в конец коридора, поднимаюсь наверх и спускаюсь вниз.

Мама берет меня на руки, похлопывает по спине, баюкает. Я похлопываю Везунчика по спине, баюкаю. Двери всех комнат открыты, Лимон пишет что-то в дневнике. Яблоко вяжет. Снежная Груша тупо смотрит в окно. Ананас с треском разорвала упаковку с едой, и все содержимое рассыпалось.

Клубника завязала волосы узлом, на затылке у нее теперь черная пампушка. Лоб высокий, как гора.

— Опустит Везунчика, ничего страшного, объелся болезненный. — Клубника беспрестанно что-то запихивает в матерчатую сумку. Эта вышитая цветами и птицами сумка уже раздулась. У ее птиц на ветке цветущего дерева аж глаза округлились, того и гляди взлетят.

— Сил больше нет ждать. — Она сидит на краю кровати, грудь вздымается. — Нужно уходить как можно скорее. Не смогу я отдать им ребенка.

— Персик, а тебе домой хочется? К маме? Сегодня праздник начала лета¹.

Клубника легонько покачивает меня, из моих глаз катятся слезы. Из горла вырывается звук, очень противный, будто срыгнула. Я закрываю рот, но другой странный звук вылетает из носа. Мама моет меня польнью, она в цветастом наряде. Река пол-

1. В праздник начала лета (праздник “двойной пятерки”), который приходится на пятое число пятого месяца по лунному календарю, проводятся гонки “драконьих лодок”.

новодна. Звучат удары по обуху топора, раздается гром больших барабанов. А-ух, а-ух — дружно выдыхают гребцы на лодках, они работают веслами, и лодки стремительно летят по воде.

В доме все затихает, смех и шаги утекают во мрак. Выползают тараканы, шуршат их ножки с коготками. Они гадают. Спариваются. Яйца откладывают. Давлю одного. Он меняет форму. Отхожу, а он, таща за собой брюшко, заползает в щель. За ним бросается Везунчик, тыкается в щель носом, вынюхивая, скребет лапами.

Достаю пластиковый пакет, собираю в него вещи. Пакет раздувается. Я хочу вернуться домой. Хватаю пакет. Посидев немного, откладываю пакет в сторону и беру на руки Везунчика. Освобождаю одну руку, чтобы взять пакет. Везунчик падает. Снова поднимаю его. Пакет разваливается, вещи рассыпаются по полу. Не получается у меня одновременно нести Везунчика и пакет. Собираю все и снова запикиваю в пакет.

— Пошли, быстро, — неожиданно появляется Клубника. Птички на расшитой цветами сумке вот-вот взлетят. Беру в охапку Везунчика. Не получается одновременно нести Везунчика и пакет. “Зачем мне все это барахло?” Крепко прижимаю к себе Везунчика. Вслед за Клубникой я возвращаюсь домой. Птички на расшитой цветами сумке вот-вот взлетят. Волосы у нее скручены в черную пампушку. Мы спускаемся по лестнице. На один этаж. На другой. Чуть кружится голова. Клубника тяжело дышит. Она босиком. Скользит, как лодка по поверхности воды, совсем бесшумно. То и дело оборачивается ко мне. Глаза у нее сверкают дьявольским огнем. Грызутся две крысы. Верещат. Разбегаются. — Не бойся, иди за мной. — Голос дрожит. Ей холодно. Проходим на ощупь погруженную во мрак часть коридора, видим свет лампы. Будка дежурного. Железные ворота. Большой замок. За столом спит охранник в камуфляже. Клубника двигается легко, как кошка. Она подходит, руки шарят по телу охранника, как по трупу. Брякают ключи. Она поднимает большую связку. Руки у нее дрожат. Ключ входит в замочную скважину. Замок недвижим. Другой ключ. Замок не шелохнется. Еще один. Та же история. Клубника устала и запыхалась. Дышит тяжело. Еще один ключ. Замок с лязгом открывается. Она распахивает ворота и шагает наружу. Оборачивается, видит, что я не двигаюсь с места, усиленно жестикулирует. За ее спиной темень. За моей — тоже. Я направляюсь к воротам. Везунчик вдруг вырывается, спрыгивает на землю, поворачивает обратно и скрывается во мраке.

Еще не рассвело. В столовой темно. Хочется есть. Гремит открываемый замок. Гремит и гремит без конца. Везунчик лежит

под столом, высунув язык, и лижет лапу. В животе у меня бурчит. Я сглатываю слюну. В полудреме вижу, как ко мне устремляется летучая мышь, глаза посверкивают дьявольским огнем, доносятся скрип зубов, слышу у самого уха: — Персик, эй, Персик...

Продираю глаза, вижу кругленькую Ананас.

— Кто бы мог подумать, что эта дурочка спит в столовой.

— Горбатого могила исправит. Ничего пристойного из твоего рта поганого не услышишь, — это голос Дуриан.

— Ну, сказала “дурочка”, ты-то тут при чем?

— С сегодняшнего дня Персик — моя сестренка, обижать ее — значит обижать меня.

— Надо же, какая преданность, умеешь изобразить, умешь. Будто никто не знает, что ты за человек!

— И что я за человек? А ну скажи.

— А то, что ты спишь с кем ни попадя, и хоть бы хны, неужто я побоюсь сказать об этом?

Воспользовавшись тем, что эти двое еще не успели сцепиться, вмешивается Лимон: — В прошлый раз у Яблока из-за вас преждевременные роды случились, хорошо, что мать и ребенок не пострадали.

— Верно, дело говорить надо, а не руками размахивать, — поддерживает ее подошедшая Снежная Груша.

— Хоть радуйся чужому горю, хоть оставайся в стороне — никак я тебя не устраиваю. — Подбоченившись, Ананас возвращается на свое место.

— А ты-то чего страсти разжигаешь? — подступает к Снежной Груше Лимон.

— Что я не так сказала?

— Тебе бы лишь смуту какую развести.

Во время их перебранки входит президент Нью. Позади в колонне по два печатают шаг четверо вооруженных охранников. Атмосфера сгущается.

Президент останавливается, ноги выгнуты иероглифом “восемь”, галстук свисает до самой мотни.

— Просто полное безобразие! Ну как так можно, отдаешь центру все силы, а что получаешь? Одно расстройство, хоть ложись и помирай... — Он кладет руку на грудь, словно дает клятву служить верой и правдой.

— Скандалите всё, скандалите и скандалите... Да еще сбегаете одна за другой. Но я вам вот что скажу: куда бы вы ни сбежали, найду и верну. — Президент снимает руку с груди, проводит ладонью со лба до затылка и, наконец, сжимает руку в кулак, словно там сидит Клубника и вот-вот появится, стоит только ему кулак раскрыть.

Смотрю не отрываясь, ожидая впечатляющего представления, но президент засовывает кулак в карман брюк и стано-

вится еще шире в бедрах. Другую руку тоже сует в карман. Так и стоит, будто чудо сотворить собирается.

Пошла на крышу проветриться. Если человека выставить на ветер, он может взлететь, как птица.

Подставляю лицо ветру, простираю руки. Пронизываю облака, лечу прямо на солнце. Пронизываю черноту ночи, в небесах золотоцветами распускаются звезды. Я летаю. Вижу деревушку. Коньки крыш. Течет река. Горы и холмы. У пруда растет нелюдимое дерево, смотрит на свое отражение в воде. Листья лотоса обрастают вспять волны. На поверхности покачиваются, как поплавки, его цветки. Дубинноголовый вытаскивает удочку. Из воды выскакивает рыба, она извивается всем телом, во рту у нее леска, она словно вот-вот проглотит и удочку, и руку с удочкой, проглотит Дубинноголового, проглотит меня. Дубинноголовый поднимает удочку, рыба шлепается на траву. “Умеешь летать — лети”, — говорит рыбе Дубинноголовый. Я жду, когда она взлетит. Она смотрит на меня. Бьется телом о траву, разевает рот, хватается губами воздух. По леске добираюсь до нее, хватаю, вынимаю изо рта крючок. И со словами “Лети давай”, бросаю в реку.

Лечу. В окошке покачивается мамина тень. Из котла валит пар. Мама готовит пампушки с польнью. Аромат — это стрелы, бесчисленные стрелы, они со свистом вонзаются мне в грудь. Этим ароматом наполняются все небеса. “Вэньшуй, хватит летать, быстро иди пампушки есть”. В окошко высывается мамина голова. Короткие косички, гладкий лоб. Я втягиваю голову, кладу пампушку в чашку.

Хлоп! — в темноте вспыхивает огонек и освещает лицо Дуриан. Это попыхивающий огонек сигареты.

— Кто я такая? Сейчас расскажу, кто я такая. — Дуриан выпускает клуб дыма. — Раньше была редактором в газете, получала в месяц две-три тысячи. Снимала помещение в блочном доме. Стенки тонкие, зимой включали отопление, соответственно, нужно было еще пару штанов поддевать. Звукоизоляции никакой. Судя по доносившимся звукам, у жившей наверху женщины было три дела — ругать детей, заниматься любовью и ссориться. Ничего не оставалось, как только надевать наушники и слушать музыку. Теперь вот со слухом не очень. Этот изъян у меня с тех пор. Потом перебралась в другое место. Лифта нет. Прекрасная возможность для физических упражнений, особенно если тащишься вверх по лестнице с большущей сумкой килограмм на сорок.

— Однажды на Новый год спускалась по лестнице с большущей сумкой, набитой всякой всячиной. Туфли на каблуке.

Нога подвернулась, и я загремела вниз вместе с сумкой. Какой-то мужчина помог встать, спрашивает: “С тобой все в порядке?” Да, думаю про себя, в таком, мать-перемать, порядке, что дальше ехать некуда. Но нельзя же срывать на человека, который тебе помог, верно? Во всяком случае, сама же туфли на каблуках надела. Этот мужчина проводил меня до такси и оставил свой телефон. Предложил на обратном пути позвонить, дескать, поможет затащить домой сумку.

— На обратном пути сумка была пуста, но известить я его все же известила. Он ждал внизу. Взял у меня пустую сумку, и мы стали подниматься по лестнице. Я шла перед ним, и вдруг вообразила, что мы — одна семья и возвращаемся домой. И высказала это вслух. Он сказал, что у него такое же чувство. Остановился перед моей дверью. Моя большая сумка, как ребенок, покорно прижималась к его ноге. Нога как нога, ничего особенного, черные повседневные брюки, на ногах коричневые туфли из выворотной кожи, носки тоже черные. С виду не противный. И тут он говорит, что неожиданные фантазии можно претворить в жизнь. Вот в этом-то, видимо, и была ошибка. Жадные мы слишком, придет в голову фантазия, так сразу хотим сделать ее реальностью. Ну и что в результате? Эх, мать его, устала я чего-то. В следующий раз дорасскажу.

24

Пальцы стучат по клавиатуре, словно куры клюют. Белые-белые куры клюют зерно, целый выводок. Одна, две, три... десять, ровно десять кур. Президент Нью то и дело открывает сейф, достает папки с делами, листает документы с наклеенными фотографиями, хмурит брови, глаза снуют между экраном компьютера и документами. Куры, похоже, уже наелись, к еде больше не рвутся, лишь изредка клонут пару раз. Неожиданно звонит телефон, куры бросаются к нему и подносят трубку к уху президента.

— Я в офисе, бумаги просматриваю. ...Что ты несешь? Было бы о чем переживать. В центре последнее время то одно то другое приключается, сплошная головная боль, ты мне лишнего беспокойства не доставляй, ладно?...Что-что? Я хоть и занят по горло, а разве не выкроил время, чтобы съездить с вами на Мальдивы? Тут скоро такой бардак начнется... Лучше обанкротиться, да? Ну обанкрочусь, кто будет тебе меха покупать, одежду от Луи Вюиттон, как ты будешь разъезжать по всему миру?.. Ну не надо сцены устраивать... Эта женщина... Она администратор офиса... Ха-ха-ха, ну ты впрямь от безделья бесишься, от одной пустой фантазии к другой... Для меня красивые женщины — те, что с большим животом, вот

если бы ты к ним меня ревновала, я бы еще усмотрел в этом какой-то смысл... Большие титьки мне не нравятся, ты же знаешь, мне нравятся твои, чтобы в ладошку помещались, как раз то, что надо, и сосочки маленькие... Ну по душе мне “чищенный арахис”¹. Будь ты грудастая, я бы на тебе и не женился... Правда-правда, ну за кого ты только держишь своего благоверного... Другим нравится, мне нет, торчат, как могильные холмики, аж смотреть противно...

Сейчас ситуация следующая: номер ноль восемьдесят восемь воспользовалась тем, что охранник заснул, и сбежала. Пару дней подожду, посмотрю, может, еще вернется... Сообщить в полицию? У нас же нет лицензии на ведение коммерческой деятельности, другими словами, незаконное предпринимательство... Ты разве не заметила, что за эти несколько лет волос на голове у меня стало меньше? Всё заботы, опасения, тревоги... А ты живешь без всяких хлопот, ну и живи себе, не надо мне дополнительные трудности создавать... Ну да, конечно, никакой я в последнее время не безжалостный, и к тебе интерес не потерял, не разлюбил... Просто выматываюсь каждый день, управлять центром все тяжелее... Больше всего не дают спокойно жить женщины с большими сроками: начитаются всяких книг, и ну придираются к порядкам в центре, то не так, это не так, есть не едят, капризничают, просто императрицами себя возомнили... Но я им тоже спуска не даю, навожу порядок со всей строгостью, ведь стоит им выбраться за ворота, начнут жаловаться, а полицейские тоже не даром хлеб едят. Хотя существование центра держится в тайне, здание-то немаленькое, сколько-то времени и сил потратят, и не исключено, что что-нибудь накопают... Вот и иду на риск, потому что мне нравится, нравится это дело, спрос на него огромный, основной капитал — тело, очень многие женщины на это решаются... Наш сегодняшний центр совсем небольшой, даже все заказы принять не можем. Рассчитываю, что пройдет какое-то время, и новые центры откроются в других городах, а в будущем настанет черед и административных центров в каждой провинции. По правде говоря, если разрешат зарегистрировать центр как компанию, не пройдет и пары лет, я тоже смогу выйти на рынок со своим капиталом. К тому времени ты уже станешь супругой председателя совета директоров... А кто же, если не ты?.. Ну-ну, опять ты за свое. Как я могу перемениться? Ты самая красивая в мире девочка, а становишься соперницей самой себе, неужели у тебя муж та самая обезьяна, которая подбирает кунжутное семечко и при этом теряет арбуз?.. Подожди, сын поедет в Америку учиться в университете, ты тоже с ним отправишься, бу-

1. “Чищенный арахис” — иносказание для амбициозного карьериста.

дешь хорошо жить, хорошо есть, хорошо одеваться... Разве я не ради вас лямку тяну? Я же ваш раб, жена.

Служивый? Служивый справляется неплохо... Не знаю, подумаю об этом, сейчас он начальник охраны... Работник надежный, но характером слабоват... Размышляю вот, справится ли он на должности управляющего центром? Оттого что он поступил в этот никудышный университет, никакого толку нет. Центру все же нужны люди смекалистые. В этом отношении Маленький Генерал его превосходит. Парень с виду простодушный, а на самом деле очень расчетливый, мыслит смело, действует решительно, но иногда рубит с плеча, и как ни печально, даже в никудышный университет не смог поступить. Университет штука такая, вроде бы от него польза есть, а вроде и нет. Некоторым не нужно поступать в университеты, получать степень MBA, у них талант управленца от природы. Как у меня, например, у мужа твоего. А кто-то и, проучившись в университете, твердолобым остается... Чтобы ты ни говорила про своих родственников, про моих, я ко всем отношусь одинаково, но в конечном счете подбирать людей нужно по способностям. И у Служивого, и у Маленького Генерала свои преимущества... Хорошо, хорошо, хорошо, подумаем насчет Служивого еще. Человек верный, действительно непоколебимо предан центру. А Маленький Генерал — хитрец, и к женщинам неравнодушен... Ну а кто из мужчин к ним равнодушен? Был бы я к ним равнодушен, разве женился бы на тебе? Главное — любя женщин, не предаваться блуду, не распутничать, быть сдержанным... Я знаю, очень хорошо знаю, что нынче из множества подвергшихся проверке чиновников кто только ни обзаводился множеством любовниц, вот таких и можно назвать несдержанными... Мне же хватает тебя, строгого руководителя комиссии по проверке дисциплины. Вот откуда у меня столько сил, мне ведь нужно вершить великие дела... Не то чтобы хочется, да не может, мыслей даже таких нет после женитьбы на тебе... Силы небесные, как же ты в душу мне хочешь залезть, все мои мысли контролировать, даже проверять, о чем я мечтаю... Ладить с женой потруднее, чем управлять центром... Вот что я тебе скажу, жена: на женщин я смотрю исключительно с коммерческой точки зрения, как на скотинку. Зубы, глаза, волосы, телосложение, жизненные силы — они для меня всего лишь инструменты для создания человека... Ни о каком интересе не может быть и речи. К тому же ты у меня такая строгая... Хорошо, хорошо, хорошо... Тебя послушать, так вся охота работать пропадает...

Курицы положили трубку на прежнее место.

— Откуда она знает про Диндан? — Президент Нью провел рукой по лицу, брови взметнулись, он выпучил глаза и вздрогнул, заметив на себе мой взгляд, словно я появилась из-под земли.

Стайка куриц забралась к нему на голову и стала клевать что-то среди скудной растительности.

— Знать бы, что женщины такая тяжелая публика, ни за что не женился бы. Жадность ненасытная. И меха им надо, и сумочки известных брендов, и если бы только плотские утехи, так нет — всю душу подавай. Ну, в этом есть резон, нравственная поддержка, закон на их стороне. Стоит женщинам раздвинуть ноги, как всё у них в руках... Нам, женатикам, если нет возможности глотнуть свежего воздуха, просто задохнуться впору...

— Вот повернуть бы все вспять, точно на необитаемый остров сбежал бы.

Безжизненная какое-то время верхняя половина президента восстала из кресла, с бульканьем опрокинула в себя полстакана воды, и стайка кур вновь принялась оживленно клевать клавиатуру.

25

Глубокая ночь. Снежной порошей лежит лунный свет. Все тихо кругом. В ушах шумит вода. Булькает все сильнее. Наклоняю голову, чтобы она вытекла. Через какое-то время слышу жужжание какой-то букашки. Покачивая головой, хожу кругами по комнате.

— Что беспокоит? — Это Диндан с обходом. В руке у нее маленький фонарик. На меня падает луч белого света. Она приходит каждый вечер. Учит, в каком положении нужно спать, надавливает пальцами на живот. — Ни в коем случае нельзя спать на спине, раскинувшись, можно задохнуться и умереть. А умрешь, повесим тебя на сук, как дохлую кошку. — Каждый раз говорит это, выходя из комнаты. Мне страшно превратиться в дохлую кошку, повешенную на суку, ночью я просыпаюсь и проверяю, не лежу ли я на спине, раскинувшись.

Диндан велит мне спать. Когда она уходит, я опять сажусь. В ушах гул от скопища ушной серы. Ковыряю ее пальцем. Ковыряю и выхожу из комнаты. Через полуоткрытую дверь Клубники пробивается свет лампы.

Клубника снимает одежду, груди у нее большие, белые, беспрестанно колышатся, зад и живот торчат в разные стороны. Босиком она проходит в душевую, оттуда доносится плеск льющейся воды.

Я трогаю ту самую вышитую сумку, она смята, и птица прячется в складках, словно у нее перебито крыло.

Клубника выходит, покачивая грудями, а на стуле уже сидит Служивый. Он встает, руки висят по бокам, кулаки то

сжимаются, то разжимаются, непонятно, он собирается ударить ее или обнять.

Клубника неторопливо накидывает синий халат, расчесывает мокрые волосы.

— Что же ты обманула меня? — подходит к ней Служивый. —

Сказала, к рассвету вернешься, а сама аж восемь дней пропадала.

— А что, обнаружили снотворное? — спрашивает Клубника.

— Нет, даже охранник не заметил.

— Да ну?

— Я целыми днями ждал тебя. — Служивый гладит ее по голове. — Думал, может, и не свидимся. — Он обхватывает ее голову. — Решил, что, если тебя не найдут, сам пойду искать.

Закинув расшитую сумку за спину, бегаю по комнате, птица тоже взлетает.

— Ты мне, правда, нравишься. — Служивый смотрит куда-то вдаль. — Вот стану управляющим, возьму тебя на содержание, буду отвечать за красоту, сам буду одеваться красиво, очень красиво.

— А получит ли Нью Юйгэнь лицензию управляющего? — Клубника корчит мне гримасу.

— Быть зарегистрированным в качестве управляющего не всегда хорошо. Нынче всем сверхприбыли подавай, — оживляется Служивый. — Надо хвататься за эту возможность, поработаю несколько лет, деньги появятся, потом будем думать, что дальше. Как тебе?

— Значит, хочешь рискнуть ради меня?

— А ты разве снова хочешь убежать? — поразился Служивый.

— У мамы со здоровьем неважно...

— На этот раз решено, что ты будешь под арестом, пока не появится на свет продукт рождения... Но я могу поговорить с президентом Нью.

Служивый чуть медлит и выходит из комнаты.

— Обманщица я, — вздыхает Клубника. — Никого не люблю, хочу лишь этого ребенка и никому отдать его не смогу.

26

— Номер 074, собраться.

— Номер 088, не сбиваться с ритма.

— Номер 026, то, что надо.

— Номер 016, следи за выражением лица.

Покрикивая, Маленький Генерал жует вяленую говядину, отрывая волоконце за волоконцем.

— Вольно всем. Согласно указаниям центра в целях достижения единодушия и сплоченности, начиная с сегодняшнего

дня, все производители продуктов рождения собираются в девять часов утра и вместе поют “Песню о райской обители”. Опоздавших ждет штраф двести юаней, неявка карается штрафом одна тысяча юаней. — Маленький Генерал прищуривается. Ресницы у него длинные и густые, глазного яблока почти не видно, лишь какой-то лучик в щелочку пробивается.

— Смирно, равнение на середину! — рывкает он. — “Райская обитель” запевай!

Приют от горя и печали
Нет ни дождей здесь, ни ветров
Прекрасная долина сладких снов
А-а, райское местечко
Любви обитель и тепла
Райская обитель мне мила

— Вольно. — Откуда-то из заднего кармана Маленький Генерал достает документ: — Решение о наложении взыскания на номер 088 в виде ареста... — Документ длинный, одна страница, другая, в горле какая-то крыса носится. Лицо у него чисто выбрито, сверкают мясистые губы, влажные от постоянного облизывания. — ...Комитет центра по дисциплинарным расследованиям. 25 июня 2015 года. — Маленький Генерал сворачивает документ и запикивает в задний карман.

— Несбыточные бредни. Все эти “дух центра”, “идеология центром”, “правила центра” — просто несбыточные бредни, — заявляет Лимон. — Это что — подобие конституции или устава партии?

— Велико ли местечко — размером с полмошонки, а туда же — “комитет центра по дисциплинарным расследованиям”.

— Фрикаделька и есть “комитет по дисциплинарным расследованиям”, он и распорядок центра, он всё.

— Мы против ареста.

— Прошу следить за тем, что говорите. Оскорбления в адрес центра не допускаются. Переход на личности не допускается.

— Маленький Генерал, считаешь, что, став управляющим центром, ты, как говорится, возвысишься над многими, и мало кто будет стоять над тобой?

— Если Клубнике нельзя выходить из комнаты, мы тоже выходить не будем.

— Я отвечаю лишь за то, чтобы донести до вас этот документ, мне это поручено, я за это зарплату получаю. — Маленький Генерал прищуривается. — Разойдись! — Он поворачивается и уходит.

— Клубника под арестом, — вздыхает Лимон, — все мы на одной веревочке, как кузнечики.

— И что теперь?

— Значит, нельзя допускать распри между собой. Дуриан, Снежная Груша, намедни не вы ли двое отличились? Как вам теперь стать лучшими подругами? Да, еще есть Ананас, она очень скоро может покинуть центр, и нам тем более необходимо ее содействие.

— С каких это пор я стала такой важной? Я-то жду денег, чтобы выплатить первый взнос, — самодовольно заявила Ананас. — И ни в каких беспорядках я не участвую.

— Эта Ананас на язык востра, да характером не вышла, — съязвила Лимон. — Дуриан, номер 16 твоя землячка, ты отвечаешь за идеологическую работу с ней.

— На большие титьки со всех сторон налетят. Пошла я, — усмехнулась Дуриан.

27

Везунчик лежит у ног Лимон, и, подняв голову, слушает ее Маленький Генерал.

— Вчера вечером видела его во сне. Ночь, кругом мрак, сильный снег, держу его под руку, мы идем по старинному переулку, идем, и тут вдруг я просыпаюсь. Сердце до сих пор замирает. — Разносится аромат чая с цветками хризантемы, Лимон рисует картинку в записной книжке. Переулок глухой, ему много сотен лет. Двор с позеленевшей плиткой, почерневшая черепица, две старых софоры, куча всякого хлама. Запах общественного туалета, полуразвалившаяся трехколесная коляска рикши, велосипед. Что-то громко говорит старик с трубкой, мать ругает ребенка...

В это время в ушах у меня раздается глухой звук, в животе чувствую толчок. И испуганно встаю.

— Ребенок шевелится? — Лимон откладывает кисть, кладет ладонь мне на живот и водит как утюгом.

— Ну да, — отвечает она сама себе. Лицо на миг освещается и тут же гаснет. Ягнячьи глаза полны горя.

Возвращаюсь в комнату и ложусь. Выпятив грудь, входит Диндан и наклоняется ко мне, придавливая своими могильными холмиками. Ледяные пальцы шарят по моему животу.

Эти холмики вроде и не ее, но ей хочется придать себе величественности, вот и выставляет всегда вперед два своих бугра. Перед вспышкой гнева бугры предупреждают об этом первыми, набухают еще больше, чем прежде, пуговицы вот-вот отлетят в мою сторону.

Смотрю на пуговицу. Черная, с отшлифованным краем стального цвета, четыре дырочки, прошитые крест-накрест.

— В черепашке никакой реакции, в животе тоже. — Диндан очень рассержена. Уголки глаз взлетают, белки безбрежные, как озера. А черный зрачок — пещера. Смотришь на белки — падаешь в озеро, смотришь на зрачок — проваливаешься в пещеру. Я выбираюсь из пещеры и попадаю в озеро, выбираюсь из озера и проваливаюсь в пещеру, выбираюсь из пещеры и попадаю в озеро. Смотрю на пуговицу. Четыре дырочки. Одно пересечение. Из расходящейся одежды выпирает сверкающая беллизна жирная плоть. Мама нарезает жирную плоть и жарит на масле, плоть водянистая, как редька, колыхается, как соевый творог, когда его кладут вариться в котел, масло вываривается, плоть превращается в шкварки. К шкваркам добавляется сахар. Шкварки жарят с острым перцем. Шкварки жарят со шкварками. У шкварок, которые готовит мама, вкус разный. Руки у мамы ловчее, чем у машины. Бывало, когда хлеба старого урожая не хватало до нового и нерадивые хозяйки в деревне ходили по домам просить еду, мама всегда доставала для них что-нибудь из горшка. Когда мама отдавала что-то другим, я всегда плакала.

— Что ты хнычешь... — еще больше злится Диндан. — Бизнес без начального капитала, а прожорливая, хуже поросенка. До сих пор нет движения плода, кто знает, может, стимуляторы вводить придется. — Она щупает и щупает мой живот, словно это ее фамильная драгоценность. Ничего не стоящая драгоценность, оставить — много место занимает, а выбросить жалко. Вот она и злится без конца. Грудь ее постепенно набухает, одежда вдруг лопается, пулей вылетает пуговица.

Лимон наступает на нее и отшвыривает в сторону.

— Слышала я, что система арестов — твоё предложение, ты и правда в тюрьме работала?

Лицо Диндан мрачнеет, грудь сдувается.

— Правила в центре установлены не для того, чтобы их нарушали. Не будет нарушений, их и применять не надо, будто их и не существует вовсе. Никому не хочется прибегать к таким мерам, как арест. Не будете нарушать, правила и применять не надо. Ну, как с мышеловкой: не тронет мышшь приманку из мяса — и не попадетсЯ.

— Дерьмовое у тебя сравнение, дерьмо, как и ты сама, — это вошла Дуриан. — Ты просто кучка дерьма.

Побагровевшая Диндан шарит там, куда упала отлетевшая пуговица, в прорехах натянувшейся одежды видны кусочки тела.

— Я тебе другое сравнение приведу. — Дуриан не спускает с нее глаз. — Знаешь, сколько у свиноматки пар сосков? Так что тебе до свиноматки, как до неба.

Белки глаз Диндан расширились. В них посверкивает отраженный от воды свет, прыгни туда, от всплеска разлетится множество брызг.

С сосками свиноматки не очень понятно, они розовые, и их сосут поросята. Свиноматка — генерал, настоящий танк. А поросятки — солдаты. Забавляются себе на ровной площадке. Дорогу усеивают цветки персика, цветки сливы, цветки груши...

Что-то падает в озеро, от всплеска разлетаются брызги. Диндан закрывает руками лицо и убегает.

28

На торте красные ягоды клубники. Подрагивает огонь свечей. Собравшиеся вокруг стола женщины закусывают, пьют сок, молоко, забавляются, бросаясь скорлупками от орехов. Раскачиваются длинные халаты. Ну просто небожительницы на весенних небесах. Пампушка солнца скатилась к краю холмов, вся река в золотистом сиянии. Блики света. Белый торт, красные ягоды клубники. Черный шоколад. Чоканье кружек.

— Сегодня день рождения Клубники. Требуем, чтобы ей разрешили принять участие в праздновании.

— Мы против арестов.

Я беру одну ягодку, слизываю с нее крем и кладу обратно. Клубника еще не созрела. Беру еще одну ягодку, слизываю крем и с нее. Потом съедаю всю облизанную мной клубнику. На торте остается множество вмятин. Я разглаживаю их пальцами и съедаю еще несколько кусочков торта.

У меня отрыжка со сливочным вкусом, и мне нехорошо. Сажу на стуле, боюсь пошевелиться. Из горла вылетают странные звуки. Из глаз текут слезы.

— Силы небесные, — восклицает Ананас, — она весь торт умяла!

У меня отрыжка. Изо всех сил стараюсь сдержаться, но рыгаю и рыгаю. Запах торта уже пропал, но могу рыгнуть еще, если встречу того, кто тортов не пробовал и не знает, как они пахнут. Рыгнула бы запахом этого торта маме, Дубинноголовому, своим сверстницам, целыми днями ходила бы по деревне и рыгала. Сверстницы водились бы со мной, мы прыгали бы вместе через скакалку, играли бы в ножной волан — зоску и в классики. Я научила бы их стрелять из рогатки косточками от фруктов.

Лимон бумажной салфеткой вытирает мне рот.

— Погоди, будем отмечать твой день рождения, сделаем торт побольше.

— Никто и не знает, когда у нее день рождения.

— Тогда пусть будет в День независимости США, — предлагает Дуриан.

— Хорошая мысль. Персик, пройдет всего нескольких дней, и ты сможешь съесть торт на собственный день рождения.

Запахнутый в глотку торт норовит выскочить. Чуть дыша, я стараюсь не допустить этого.

Поспешно входит президент Нью:

— Что за представление опять затеяли? Неужели нельзя поставить себя на мое место и подумать, уделив мне немного сочувствия и понимания?

— Это чтобы рабочий класс относился с сочувствием к своим эксплуататорам капиталистам? Хочешь, чтобы кость сочувствовала собаке? — хихикает Лимон.

— Сегодня день рождения Клубники, мы хотим отметить его вместе с ней, — говорит Дуриан. — Вот и поглядим, как наш президент относится к людям.

— Отношение к людям... — хмыкает президент. — Если бы из этого люди уроки извлекали. — Он делает пару шагов влево, пару шагов вправо, охранники позади, как привязанные, тоже одновременно шагают сначала влево, потом вправо. Президент останавливается там, где стоял прежде. — Правила установлены не для того, чтобы их нарушали...

— Вот и Диндан так же рассуждает. Вы с ней, похоже, и впрямь вместе одни штаны напяливаете, — констатирует Дуриан.

— ...Правила установлены не для того, чтобы их нарушали. Не будет нарушений, их и применять не надо, будто их и не существует. — Президент рубит ладонью воздух. — Ну, как с мышеловкой: не тронет мышь приманку из мяса — и не попадется...

— Кошка зарывает песком место, где нагадила, чтобы скрыть следы и избежать встречи с другим зверьем. А ты зарываешь место, где нагадил, только ради денег, — заявляет Дуриан.

Президент чуть втягивает голову в плечи.

— Как грубо, как вульгарно. Ты, номер 076, прослушала курс в университете, а говоришь такие пошлости...

— А ты, если в собачье дерьмо ступишь, восклицаешь “ах, душа моя”?

— Иностранцы в таких случаях говорят FUCK.

Я звучно рыгаю. Сидевший в глотке зверек устремляется наружу.

Лимон хлопает меня по загривку. Она, наверное, чувствует, что я — большая корзина с рисом, которую нужно похлопать и потрясти, чтобы потом рис куда-нибудь высыпать. Куски торта застряли в глотке. Я разеваю рот, и оттуда фонтаном хлещут сливки и все остальное. Лимон подставляет коробку из-под торта. Туда меня и вытошнило.

— Переела, — резюмирует Снежная Груша. — А раз переела, нужно прочиститься, верно?

На лице президента Нью лежит тень листвы, словно он стоит под деревом, освещаемым солнцем.

Лимон вытирает мне рот, утирает слезы.

— Ну нет больше сил терпеть, — вздыхает Дуриан и засовывает правую руку в карман. Смотрю на ее руку, ожидая, что сейчас она вытащит пистолет.

Остальные женщины тоже суют руки в карманы.

Лимон придерживает руку Дуриан:

— Президент Нью, два дела, которые требуют немедленно решения: во-первых, выпустить Клубнику; во-вторых, отменить положение об арестах.

Президент опять втягивает голову в плечи. Отступает на пару шагов и встает между двумя охранниками.

— Как можно вот так, с бухты-барахты, менять правила центра? Разве центр игрушка из бумаги? А я из папье-маше? — Президент Нью рубит рукой воздух. — Кто всегда не доволен, подобен змее, которая пытается проглотить слона, вам дай палец, всю руку откусите. Сначала время принятия пищи по своему усмотрению, теперь хотите, чтобы я отменил положение об аресте, не взимал штрафы... Вы, что ли, центр создавали? Ведь не вы, верно? Того, кто его создал, и надо слушаться. Ваше отношение ко мне неприемлемо, и ваши требования я тем более принять не могу. Вы только вспомните, кто дает вам возможность быстро заработать? Кто помогает вам решить ваши жизненные проблемы? А? Здесь для вас рай на земле, нужно поучиться быть благодарными.

— Опять старая песня, — морщится Дуриан. — Хватит уже нас этим кормить!

Она вынимает из кармана правую руку, президент Нью шмыгает за спины охранников. В руке Дуриан не пистолет, а пилюля. Такую же держит в поднятой руке каждая женщина.

— Это что такое? — высовывается президент.

— Пилюля для изгнания плода, — объясняет Дуриан.

— А-а... — машет он руками. — Вы с ума сошли!

Пилюли поблескивают. Женщины запрокидывают головы и раскрывают рты. Стоит отпустить пальцы, и пилюля будет проглочена.

— Вы не имеете права губить мою продукцию! Вы делаете это намеренно... Вам придется нести ответственность по закону. Подумайте о последствиях! Я вложил столько золота, серебра... Взял столько банковских кредитов... Вы хотите навредить мне... Разорить меня! — взывает президент. — Вы... злодейки вы этакие!

— Значит так, сначала зажимаем пилюлю зубами, — командует Лимон. — Президент Нью, это последняя возможность.

Женщины зажимают пилюлю и замирают.

Голова президента пылает жаром, со лба катится пот. Он не сводит с женщин глаз.

Служивый что-то шепчет ему на ухо.

Веки президента опускаются:

— Изначально я и не думал сажать номер 088 под арест надолго... Раз уж такое дело, сегодня выпустить или завтра — какая разница.

— Президент Нью, соглашаться нельзя, — возражает Маленький Генерал. — Я вот не верю, что ради кого-то они могут отказаться от своих денег.

— Сказал — выпустить, значит, выпускай! — сердито бросает президент.

— Ну а второй пункт, об отмене арестов? — не отстаёт Дурриан.

— С самого основания центра первый раз так нарушаются правила... Вы же сбегать не собираетесь, поэтому этот пункт что есть, что нет его. Верно? — доброжелательно блеет президент.

— Послушай, пилюли растворяются мгновенно.

Президент вытирает пот со лба:

— Служивый, сейчас же отмени этот пункт об арестах.

— Пфу. — Женщины одна за другой выплевывают пилюли.

Они ждут, когда президент Нью и его сопровождающие выйдут из столовой, и хохочут.

— Яичный белок у нас сработал не хуже атомной бомбы, — хмыкает Лимон. — Все сыграли замечательно, лучше не придумаешь.

— Президент распереживался аж до холодного пота. Просто кинозвезда.

Рыгнув, я ощущаю все, что осталось от вкуса клубники.

29

Растирается тушь. С шелестом разрезается сюаньчэнская бумага¹. В телевизоре мужчина, одетый в длинный серый халат, берет в руки длинную кисть:

— Сегодня будем учиться рисовать цыплят... Их, таких пушистых и бойких, все очень любят. В первую очередь, нужно наметить голову... Берем кисть среднего размера, разводим тушь обычного оттенка, чтобы на кончике получалось чуть погуще, и ведем кисть боком. — Кисть в руках мужчины скользит, поворачиваясь, по бумаге. — Затем, идя от шеи, обозначаем крылышки в форме иероглифа “восемь”... Чтобы изобразить гузку, немного продлеваем черты этого же небольшого иероглифа. Три вышеупомянутые части требуют

1. Сюаньчэнская бумага — высококачественная тонкая бумага для живописи и каллиграфии.

достаточно сочных мазков, не нужно оставлять слишком большой пробел для спинки... Грудка оттеняется бледной тушью, от горлышка ведем вниз... Брюшко обозначаем одним взмахом кисти от гузки... Ножку рисуем слабой тушью от брюшка, идя наискосок назад и вниз... Для верхней части выбираем кисть поменьше, “сяо байюнь” или “е цзинь”¹, окунаем в подсохшую тушь и рисуем ножку вперед и наискось от тонкого нажима к толстому. — Мужчина берет другую кисть. — Теперь лапки. Пальцев у цыпленка четыре, средний подлиннее, шпора довольно короткая, самый короткий палец — задний, как сподручнее, так и хорошо, считается, что лапы должны быть плоскими... Ну вот, приступаем к изображению клюва, глаз, маховых перьев и гребешка... Клюв, глаза и перья пишут подсохшей тушью... Наконец, густой киноварью обозначаем гребешок... Взгляните, картина закончена.

На экране черно-серый цыпленок, склонив голову, смотрит в небо.

Ласково греет солнце. Цыплята запрыгивают ко мне на колени. Они клюют травинки у меня с руки. Маленькие клювики, желтые лапки. Глазки, как черные горошинки. “Ма, — рвется из меня крик, — я заблудилась, ма!” А при виде букашки начинаю громко реветь. “Где тебя носило, Вэньшуй, чем ты так перемазалась?” Мама выбирает из моих волос сенную труху, отряхивает от пыли одежду. “Погоди вот, Вэньгянь появится на свет, будет тебе с кем поиграть”.

— Клубника, рука-то как дрожит, словно у тебя малярия.

— Будто подписала себе смертный приговор, на ногах едва держишься.

— Снежная Груша, что это у тебя нарисовано, какая-то кучка дерьма на ножках.

— Ох, неудивительно, что древние удалялись рисовать в горы... Не годится заниматься этим, когда душа не на месте.

Женщины галдят, как большой птичий базар.

Мы с Везунчиком играем в прятки, забрались в шкаф с каким-то гнилым барахлом.

30

На лице президента Ню колышется мрачное выражение, он размышляет, упершись в мясистые щеки руками, так что от одного глаза не осталось и щелочки. Волосы, обычно откинутые назад, свешиваются на лоб.

1. “Сяо байюнь” (белое облачко), “е цзинь” (прожилка листа) — малые кисти из овечьего и волчьего волоса.

— Если она знает, что ты можешь предпринять? — Диндан на этот раз не оседлала его, она очень чинно сидит у него в офисе.

— Могу на коленях умолять о прощении.

— А каково мне, тебя совсем не волнует.

— Очень даже волнует. Чтобы тебе это повредило, тоже не хочется. Никого из вас обижать не хочу. И не могу допустить, чтобы тебя кто-то обижал.

— Все равно кого-то обидеть придется.

— Я с самого начала тебя не обманывал. Она — моя жена. Мать моего сына.

— Перестань стучать, идиотка, выйди вон! — орет на меня Диндан. Глаза у нее мокрые.

Президент Нью двумя руками через весь стол хватается Диндан за руку.

— Ты понимаешь меня лучше, чем она. Не будь у меня в жизни все так сложно, я, конечно, с радостью остался бы с тобой.

— Это все из-за того, что ты, начиная дело, брал у нее деньги?

— Как говорится, если дома согласие, то и дела идут на лад. Чтобы мужчина преуспел, у него должен быть надежный тыл. Не будь у меня ответственности за семью, я бы тебе и не приглянулся.

— А я тогда кто?

— От этого тоже голова болит. Похоже, мне теперь ни одно ее требование не отклонить.

— Хочешь Служивого поставить управляющим?

— Если она предложит, и размышлять не придется... Но ведь кто-то же за нами следит? Не только сфотографировал, но и фотографии ей передал...

— Может, она частного детектива пригласила.

— Нет, она не такая.

— Тогда, значит, это дело рук другой твоей любовницы. Кто из твоих женщин аборт делал? Разве она не ненавидит тебя?

— Так она сто тысяч получила, разве это не великодушно с моей стороны?

— Ага, значит, это номер 011, она сразу на тебя глаз положила.

— Глупее ошибки я в жизни не совершал. Ты же знаешь, я больше ни с кем из этих производительниц продуктов не связывался.

— Сколько ты ей дал?

— Ей нужен я, будет мужчина, будут и деньги. Диндан, мне так хорошо с тобой, так приятно, я рядом с тобой отдыхаю. Хочу, чтобы ты всю жизнь была моей близкой подругой.

— Всю жизнь?..

— Угу. — Президент Нью отдергивает руки от лица, словно решившись на новое путешествие. — Всю непростую жизнь.

[126]

ИЛ 4/2018

31

Дуриан обдирает чашечки лотоса. Я беру одну и смотрю на свет — силуэты лотосовых зерен застыли, как пчелы в сотах. Отдираю закрывающую их кожуру: семена лежат, тесно прижавшись друг к другу, под ватным одеялом и спят. Срываю одеяло и вынимаю их большим и указательным пальцами.

— Смотри-ка, умеешь... Из озерного края, что ли? — Дуриан отбрасывает растерзанную кожуру и вынимает из ящика стола две карты. — Ну-ка... Поищи... Где твой дом?

Сплошные линии вкривь и вкось, толстые и тонкие, красные и зеленые. По ним карабкаются стайки муравьев. Самые большие иероглифы не больше мелкой божьей коровки. Мой дом большой, на этом листе не нарисуешь, мамин огород, цыплячья лужайка, а еще река, рыба, что в ней плавает, лесок, фруктовые деревья, птицы.

— Мой дом вот здесь... — Дуриан рисует пальцем кружок. Кружок у нее получается не круглый совсем. Весь рисунок смахивает на общипанного петуха.

Я очерчиваю пальцем ощищенного петуха, подрисовываю две ноги и соединяю их подошвы.

— Это Тайвань, туда дороги нет, — говорит Дуриан.

Снова рисую пару ног. Не годится, чтобы у большого петуха и не было ног.

— Твой дом в каком месте? Здесь?.. Здесь? — тычет пальцем Дуриан.

Рисую большому петуху клюв, острый и длинный. Когда другой петух вздумает топтать куриц, этим острым клювом можно его заклевать. Петухи начинают драку. Летят перья. Курицы кудахчут, словно хохочут.

— Еще можно посмотреть карту мира. — Дуриан разворачивает другой лист. — Вот это и есть весь мир.

Большую тыкву она развернула.

— Здесь... Нью-Йорк. Через пару лет хочу отправить туда Шуанси учиться. — Кончиком пальца Дуриан поглаживает это место.

Мама купила полкорзины куриных яиц и послала меня в школу записываться. Учитель меня не принял. На плату за обучение мама справила мне красную юбку.

— Не думаю, что в будущем она сможет заниматься каким-то делом, хочу лишь, чтобы жила в добром здравии и не зависела ни от кого... На чем я в прошлый раз остановилась?.. А, вспомнила, с чего все пошло не так. Жадные мы вообще

люди: взбрела в голову фантазия — нужно непременно превратить ее в жизнь. Сегодня я понимаю, что и замуж-то вышла, чтобы отделаться от этой странной фантазии. Кто знал, что жизнь предложит другую поклажу, еще тяжелее. Мой брак был ошибкой. Но в результате этой ошибки у меня появилась Шуанси, так что жалеть не о чем.

Но бывают ошибки, от которых так просто не отделаешься... Дождалась рождения Шуанси и предложила развестись. Целый месяц убила, объясняя, что наш брак — ошибка. Еще полгода ушло на то, чтобы подтвердить: я хочу развестись, это не блажь, у меня нет никого на стороне, и, тем более, я не хочу этим заставить его вести себя лучше. Мне весь этот цирк надоел. Я съехала, сняла жилье, мама помогала мне присматривать за ребенком, я по-прежнему работала в редакции. Он явился ко мне домой, устроил сцену и похитил Шуанси. Мама схватилась с ним насмерть, бушевала так, что с сердцем плохо стало. Я попросилась в отпуск, чтобы смотреть за Шуанси, а еще надо было ухаживать за мамой. Я не собиралась больше отступать и нашла адвоката. Однажды утром открыла входную дверь, а он спит за дверью, закутавшись в одеяло.

Сообщила в полицию. Там сказали, что это дела внутрисемейные и их это не касается. Мать твою. В этом и есть гнусная сторона брака: все издевательства, домогательства и запугивания становятся законными внутрисемейными делами. Неудивительно, что люди говорят, мол, хочешь беспокойства на несколько месяцев — затей ремонт; хочешь беспокойства на несколько лет — купи дом; хочешь беспокойства на всю жизнь — вступи в брак. Вступить в брак, расторгнуть брак — все равно что умереть.

В мире нет ничего более страшного, чем безумный мужчина. Даже у злых духов есть рациональное начало, к ним можно найти подход, обсудить условия. Если мужчина впадает в неистовство, никогда не догадаешься, что ему взбредет в голову. Думаю, этого ощущения тебе не понять. Он постоянно звонит по телефону и молчит. Я поменяла номер. Он стал преследовать меня. Пойдешь куда-нибудь, обернешься, а он тут как тут. Стоит себе с безучастным видом. Не раз бывало, выходишь из ворот своей организации после окончания рабочего дня, глядь — стоит, глаз с меня не сводит. Пойду с Шуанси в супермаркет, поверну голову и вижу его краем глаза за стеллажом с товарами. Такое ощущение, что он тебе мерещится. Этак и с ума сойти недолго.

Однажды, уже за полночь, на дворе бушевала гроза с ливнем. Я встала задернуть занавески и при вспышке молнии, высветившей ночную тьму, увидела, что он стоит у телефонной будки на другой стороне улицы и смотрит на мое окно, весь мокрый, словно его только что из воды вытащили. Напу-

гал до смерти. Пришлось менять работу и жилье. Но спустя пару месяцев он разыскал меня и снова стал преследовать. Чистое привидение. Где я только от него не пряталась. Но через месяц-два он появлялся снова...

Кружившаяся по комнате муха опустилась на разодранную чашечку лотоса.

32

— Сегодня, похоже, аппетит у всех неплохой, — окинул взглядом столовую Маленький Генерал.

— Вкусно, не знаешь, что за мясо? — спросила Снежная Груша.

Маленький Генерал глянул на свою укушенную когда-то руку:

— Собачатина.

— Неужто вы с песиком разделались? — ахнула Лимон.

— Да он костей обожрался, сам виноват. Такая вот печаль.

— Ну и сволочь же ты, — выругалась Ананас.

— Какая черная неблагодарность, вот уж никогда не делай добра людям, — прищурился Маленький Генерал. — Думаешь, я куда-то потащусь за собачьим мясом в угоду вашим желудкам?

Лимон словно отравилась, ее била дрожь, она не могла вымолвить ни слова.

— Какая мерзость. — Клубника притянула меня к себе. — Некоторые ради повышения в должности следят, фотографируют, в чужие секреты лезут — на все готовы... Воспитания никакого, а вот устроить выволочку кому — это запросто.

Маленький Генерал делает вид, что не слышал:

— А еще в следующий раз никаких фокусов с яичным белком не устраивайте... Коли есть такие умельцы, пусть что-нибудь дельное придумают.

Снежная Груша, опустив голову, смотрит в пол.

33

— Поживешь несколько дней здесь. — Диндан передела меня в полосатую пижаму. Белые простыни проштампованы красными иероглифами. Входят несколько человек в просторных белых халатах, тот, что в очках, начинает задавать вопросы, Диндан отвечает. — Я — ее тетушка, — заявляет она. — Один из белых халатов, молодой человек с прозрачной стеклянной палочкой в руках нацеливается на мой рот. — А-а, — пропевает он, — подними язык. — Я раскрываю рот и жду. Палочка уже поддела язык и тыкается в его основание. Молодой человек слегка двинул мне кулаком в подбородок, и рот закрывается. Я впиваюсь зубами в эту стеклянную палочку. Белый халат в оч-

ках мнет мне живот пальцами тут и там. Еще один белый халат затягивает кожаным ремнем вены на запястье, вводит иглу и берет кровь. Между делом они болтают, обсуждают последние курсы акций.

— В этом году ВВП продолжает тенденцию к спаду, при широко распространенном кредитовании “пузырей” потрясения на рынке могут продолжаться. На этот раз рынок акций класса А¹ вызвал в китайской экономике эластичный отклик системы, это не “бычий рынок” 2005 года и не “волна от спуска корабля на воду”, как после 2008-го.

— Судя по новостям двухлетней давности, совокупный показатель четыре тысячи пунктов тогда был только началом, по мнению специалистов, эта ситуация на рынке может продлиться еще лет десять и совокупный показатель возрастет до десяти тысяч пунктов.

— Все это безответственная болтовня.

— “Голубые фишки” — это свиньи, которые могут улететь, когда ветер подует, надо действовать по обстановке. У тебя какой портфель?

— В отличие от тех, кто спешит заработать, я жду, чтобы распродать все на пике котировок.

— Мне темная лошадка попалась... — бросает очкарик. — Хорошо, завтра утром сделайте ей укол.

Одной рукой он тянет за край одежды и прикрывает мне живот.

— Заведующий, в следующий раз будете во что-то вкладываться, ознакомьтесь сперва с новостями.

— Если бы каждый раз покупал то, что надо, уже смог бы частную клинику построить.

— Зарабатываете на акциях и еще мечтаете клинику построить — уважаю.

— Все на большой доске маленькими фигурами играют, не контролируют ситуацию... — Очкарик повернулся и ушел, свита за ним.

Женщина на соседней койке — страшно худая, смуглые руки на простыне как у мертвеца. Рядом сидит маленькая девочка, косички, как бараньи рожки. Она складывает самолетики из бумаги. Самолетики летают по комнате. Из одного конца в другой, стучаются в потолок и, очертив напоследок петлю, вылетают в окно.

— Койка 34, у тебя и сегодня не уплачено, выписываться-то собираешься? — Это медсестра с записной книжкой и ручкой.

1. Акции класса А — номинированные в юанях акции на внутреннем рынке КНР.

Худая женщина молчит, взгляд остановившийся.

— Папа пошел за деньгами, он займет денег, и мы сможем заплатить за лечение и лекарства, — говорит девочка.

— Если бы все больные вели себя, как вы, клиника давно бы уже превратилась в благотворительную организацию! — Медсестра сует блокнот и ручку в нагрудный карман. — Хватит тянуть резину, извольте соблюдать правила клиники, ваше место ждут другие больные.

— Мама еще не вылечилась, она еще не может выписываться! — плачет девочка. — Папа скоро принесет деньги.

— Твой папа и мама в разводе, он давно бы уже пришел, если бы хотел.

— Папа говорит, какая разница, — всхлипывает девочка. — Еще папа говорит, что он по-прежнему мой папа, а мама все так же моя мама.

Медсестра говорит что-то еще, и девочка горько рыдает. Лежавшая на белой простыне худая смуглая рука перемещается на голову девочки, словно большая муха туда садится.

Я тоже начинаю плакать.

— Хочешь вяленого мяса? — Она с треском открывает пактостиковый пакет, вынимает комок мяса и затыкает мне рот. Вцепившись в юбку медсестры, девочка продолжает реветь. Медсестре надоело, и она с силой отрывает руку, ракушку-лужанку, которая крепко присосалась к камню.

34

Лежу. Живот круглый-круглый, как глобус. Врач в очках, маске и перчатках водит по нему палочкой со смоченной в лекарстве ватой. Делает он это не спеша, круговыми движениями, будто блины печет. Потом отставляет палочку, берет в руки шприц с длинной, как палочки для еды, иглой. Рука в резиновой перчатке легко, как бабочка, опускается на лепестки цветка, лепестки подрагивают. Я начинаю ворочаться.

— Утихомирьте ее, — командует врач. Они хотят поймать пчелу. Держат ее за крылья. Прижимают ноги. Голова тоже зажата. Пышущая жаром игла проникает под кожу живота и несет свой жар дальше. В штукатурке стены черная щель, в ней живут пчелы. Они замерли в своих сотах. Туда суют рисовую соломинку. Из щели доносится гудение, как плач. Пчелы подрагивают. Соломинка тоже подрагивает.

— Отлично, через некоторое время можно извлечь, — говорит врач. В кювете брякает что-то металлическое.

— Даже не охнет. Дурачки от природы, что ли, такие тупые.

— Как тебе немой будет охать?

— Вон все лицо в капельках пота.

— Это слезы.

— Сопровождающие есть?

— Да, ее “тетушка”.

— Удача отвернулась, роды будут очень сложными.

— Отвезите обратно в палату под наблюдение. — Очкарик снимает резиновые перчатки и бросает их в корзину.

“Тетушке” Диндан не сидится. Она то ест фрукты, то выходит в коридор поболтать. У меня начинает болеть живот.

В два часа пополудни меня пришел проведать очкарик, за ним свита в белых халатах. Он задает “тетушке” Диндан несколько вопросов и, подняв простыню, велит снять трусы. Стащив трусы, “тетушка” Диндан засовывает их под подушку. Врач натягивает резиновые перчатки:

— Раздвинь ноги.

Внутрь проникают и начинают двигаться там сложенные вместе два пальца. — Давно болит?

— Часов пять, — отвечает “тетушка” Диндан.

— Очень рано! Раскрытие всего два пальца. — И очкарик извлекает пальцы.

Нацепив перчатки, члены свиты тыкают пальцами в одно и то же место. Один мужчина похож на Дубинноголового, весь красный от смущения, он вводит полпальца и быстро вытаскивает.

Очкарик накрывает простыней то место, куда они тыкали, и с серьезным выражением лица предлагает остальным рассказать, что они почувствовали, когда вводили пальцы. Каждый говорит несколько слов. Некоторые делают заметки в тетрадах.

Живот начинает болеть еще больше. Я корчусь, как маленькая креветка. Боль накатывается и отпускает сообразно дыханию. Все тело мокрое от пота, одежда — хоть выжимай. “Тетушка” Диндан жует поп-корн, пьет колу, смотрит кино, нацепив наушники.

Одна женщина все время плачет. Свет от ламп белый-белый.

В конце концов “тетушка” Диндан закрывает компьютер, вздыхает, потирает грудь, смотрит на меня, раскладывает раскладушку и ложится. И начинает храпеть. Боль теперь накатывается и отпускает сообразно ее храпу. Я смотрю на нее и жду, когда она прекратит храпеть. За окном темень. Будто плывешь в реке. Из-за спины проскальзывают рыбины. Шелест крыльев — это сверху ринулась какая-то птица, глянула на меня и взмыла в небеса.

Будто ножом мясо режут. Кусочки падают, как снег. Белым-бела земля, побелел дом. Стали белыми копны сена, при-

стань на реке. Побелел мамин бамбуковый плетень и ее старые башмаки тоже. Побелел железный крюк позади дома и ворот колодца у входа. Я хожу туда-сюда по заснеженной земле. В лучах солнца горят льдинки. “Вэньшуй, давай быстрее в дом, погрейся, руки небось отморозила”. Это мама меня зовет.

Утром открываю глаза, вокруг койки уже целая толпа белых халатов. “Тетушка” Диндан одной рукой протирает уголки глаз, другой расчесывается. Очкарик поднимает одеяло, касается моих ног, ноги сами раздвигаются. Входят два пальца. Они двигаются внутри. Потом еще и еще. Он молчит. Извлекает руку, снимает перчатки, заговаривает с “тетушкой” Диндан. Вся эта толпа белых халатов по очереди засовывают в меня свои пальцы.

— Ширина по-прежнему два пальца.

— Похоже, нет такого напряжения, как вчера.

— Неясно, когда возможно раскрытие на четыре-пять пальцев.

— У некоторых, бывает, подождешь два-три дня, и вдруг раскрывается, — говорит очкарик. — Волноваться не стоит.

— Воды ей нужно попить, губы вон сухие.

— Вытереть ее насухо, переодеть, может, полегче станет.

— Доктор, когда могут быть роды? — спрашивает Диндан.

— Во второй половине дня или завтра утром, — отвечает очкарик. — Ей нужно поесть, ослабла очень.

Боль, гадина, изводит. Кипятком ошпаривает. Из рогатки в меня пуляет. Колет шипом чилима. Обломком ракушки впиивается. Зубами кусает. Гвозди загоняет. Огнем палит. Льдом обжигает. Она затаилась очень глубоко, все эти белые халаты не сумели обнаружить ее, сколько ни совали в меня руки, только кучу перчаток извели.

Одна рука задирает мне веки, осматривая глаза. Другая вцепляется в точку под носом.

Высоко подвешенная бутылочка. Внутри поднимаются пузырьки. На тыльной стороне руки у меня белая заплатка.

— Начинаем закапывать стимулятор родов, — говорит медсестра “тетушке” Диндан.

Снова заходят белые халаты. Как и в прошлые разы, по очереди суют в меня пальцы. Двигают там ими. Обсуждают.

В тело капля за каплей затекает прохладная жидкость, оно тоже становится прохладным. Мне делается немного холодно.

Свита белых халатов стала поменьше. Теперь их лишь трое. Мне их пальцы уже знакомы. Я знаю, что эти — очкарика. А эти — пальцы молодых людей. Пальцы очкарика похожи на вернувшегося домой хозяина. Пальцы молодых, войдя, мечутся, как заблудившаяся собачонка.

— Готовьте к операции, — командует очкарик.

Каталка въезжает в операционную. Ватным тампоном все тело намазывают чем-то бьющим в нос. Чувствую укол в попу, игла входит и в руку. Слышится металлическое побрякивание скальпеля, ножниц, зажимов. Идет разговор об операции, упоминается “раздробление” и “расчленение”. Я погружаюсь в сон. Сплю очень сладко. Сон снится нехороший, в доме голосит мама. Двое мужчин выносят ее из дома, влажные волосы прилипли к лицу, ниже пояса все красное. Ее укладывают на носилки: глаза закрыты, рот крепко сжат. Я с плачем прощаюсь.

35

— Восстановилась очень быстро, стала даже крепче, чем прежде. — Диндан щиплет меня за руку, хлопает по попе. — Хоть прямо сейчас снова заводи на роды.

— Терпеть не могу, когда не получается. — Президент Нью хмурится, выстреливая из складок плоти пристальным взглядом. — Ладно, — поворачивается он к Диндан. — Смотрим вперед. Начинаем следующий раунд.

Срываю с дерева листок, обдираю, пока не остается тоненькая сетка прожилок. Вижу, как президент Нью дробится на множество частей. На множество частей дробятся глаза, нос, рот, голова. На множество частей дробится стол, компьютер, окно. На множество частей дробится Диндан, ее могильные холмики...

— Похоже, поглупела еще больше, — говорит Диндан.

— Если опять не получится, отпустим. Пусть возвращается туда, откуда пришла.

— Угу. Мы и так сделали все возможное.

— Сколько существует центр, все у нас шло благополучно, никаких происшествий, нужно отдать должное предпринимаемым мерам безопасности. Если бы держать дела в строгом секрете, то не доходило бы до того, чтобы кто-то нас фотографировал. А то я в последнее время хожу, будто мошонку придавили.

— Куда сегодня вечером собираешься? Давненько ко мне не захаживал.

— Как-нибудь в другой раз, дорогая, сегодня обещал ей приготовить жареные свиные ребрышки в кисло-сладком соусе.

— А у меня есть только уксус¹.

1. Игра слов: “уксус” и “ревность” обозначаются одним и тем же иероглифом.

— Все этот центр... Ты-то домашнее хозяйство не ведешь, о предметах первой необходимости не заботишься... А у меня дел по горло.

— Могу большую часть твоей нагрузки взять на себя. Думаю, ты наверняка понимаешь, что некоторые компании терпят крах из-за того, что устраивают на работу слишком много родственников.

— Это ты верно говоришь.

36

Вцепившись в железную ограду, смотрю вдаль, на пустырь. В нос лезет противный и прохладный запах металла. Везунчик, порывкая, носится по лужайке. Вспорхнул фазан. В воздухе кружатся его перья. Гав! Гав! Это Везунчик облаивает мышиную норку, разрывает ее, из-под лап беспорядочно летит земля. Гав! Дует ветерок. Трава становится чуть ниже. Везунчик обращается в камень, он залег в траве. И не шевелится. Домой возвращаются овцы. Везунчик запрыгивает овце на спину.

— Ты зашла в запретную зону! — ругается охранник. — Быстро назад.

Везунчик подбегает ко мне. Голова у меня застревает в железных прутьях.

Охранник толкает меня в лоб.

— Кровь вон идет. — Бумажным полотенцем он смахивает у меня с лица присосавшегося паразита. — Похоже, ты и есть та самая проблемная девица.

— Я вот тебе иероглифы своего имени скажу, наверняка запомнишь. — Он смотрит на меня. — Вань Чунья. Вань — это десять тысяч, чунь — весна, я — это почка из фа я — распускаются почки... Вот и представь себе — “на тысячах деревьев весной распускаются почки”.

— Осточертело эти ворота караулить, сидишь здесь, как пес, и дурака валяешь, — жалуется он.

— Видишь, нет ничего за этими воротами... А в центре, я слышал, хорошеньких женщин полно, перевели бы меня на обходы, можно было бы каждый день на вас любоваться... Здесь же только с тараканами и разговаривай... Для такого болтуна, как я, проводить каждый день по восемь часов с закрытым ртом — настоящая пытка... Для вас, женщин, здесь рай на земле, а для меня — нет. Вы выносили плод и получили, ничего не делая, несколько сот тысяч. Быть женщиной — куда лучше, в следующем перерождении непременно стану женщиной.

Его губы, как тарелки в оркестре, брякают и брякают без конца. Как в *хуагу*, представлении под барабан, где лица актеров выкрашены белым, глаза выделены черной тушью, муж-

чины обмахиваются веером, а женщины веером и рукой отбивают такт, поют и пляшут.

— Был бы я тоже немой. — На-тысячах-деревьев-весной-распускаются-почки достает сигарету и щелкает зажигалкой. И выпускает клуб дыма. — Но я не немой. Вот и позволяю тебе торчать здесь, разрешаю смотреть на улицу через решетку. — Он указывает на ворота, с пальцев у него сыплется пепел. — Но ты смотри, поосторожней, чтобы голова больше не застревала. И чтобы Служивый или Маленький Генерал тебя здесь не застали.

Противный и прохладный запах металла. Тот камень вдалеке еще не превратился опять в Везунчика.

— Эй, погляди-ка. — Он неторопливо расстегивает молнию на мотне, лезет туда рукой, словно в рыбе брюхо, и вытаскивает свою штуковину. — Откуда-то доносится лай Везунчика. — Девушкам нравится. — Он ухватывает эту штуку, как пойманную рыбку. — ...Могу дать поиграть... немного... Как хорошему другу. Никому раньше не позволял играть... Не будешь? Тогда убираю, потом даже если захочешь, доставать не стану... Кому попало не позволяю. — Он взялся за свою рыбку обеими руками, словно собирался отпустить в пруд.

Рыбка хватается ртом воздух. На берегу ей долго не жить.

От забора тянется противный и прохладный запах. Ржавчина, как рыба чешуя. По траве, как по воде, прокатываются волны.

37

Молнии крутятся волчком одна за другой, за ними следуют громовые раскаты. Они дробятся на осколки и разлетаются во все стороны. Среди мрака радостно шумят ветер и дождь. Вот как славно. Вот как славно. На оконном стекле потеки воды. Будто все время кто-то плачет.

В коридоре то светло, то темно. Вдалеке грохочет гром.

Я прислоняюсь к плечу Дуриан, теплому и мягкому.

— Есть люди, которых должна поразить молния... Это надо — взять заложником собственного ребенка. В тот день мама пришла в детсад за Шуанси, но он уже забрал ее. Так и говорил, мол, хоть в землю на три чи заройтесь, все равно откопаю. Хотел, чтобы в обмен на Шуанси я в течение недели принесла двести тысяч, иначе убьет ее...

Вздых отдаленным раскатом грома. Темнота.

— Я сообщила в полицию. Он заявил, что взял дочку на несколько дней поиграть, а у меня просто расстройство психи-

1. Чи — мера длины, около 30 см.

ки. Полицейские поверили ему, а не мне... — Дуриан сидит прямо, упершись в стул руками. — Не было у меня двухсот тысяч, да если и были, не дала бы ни фэня... Разве разберешься, что у человека в душе, сколько там всякой дряни и гнусности. Разве увидишь, что у него внутри? Какой же надо быть дрянью, чтобы угрожать, приставив нож к горлу собственного ребенка... Так что мне иногда кажется, что здесь, в центре, я, по крайней мере, в безопасности.

Дуриан гладит меня по голове. Кончики пальцев забираются в волосы, как цыплята в заросли травы.

— ...Раньше, когда грохотал гром, я вот так и прислушивалась, ждала — а вдруг молния поразит его... Нож не прервал жизнь Шуанси, вероятно потому, что в нем еще осталась капля человеческого. Шуанси пролежала в больнице полмесяца. Ничего серьезного, но она была напугана, получила душевную травму, замкнулась в себе... Если бы только можно было вылечить ее, чтобы она забыла этот ужас, изменить мою жизнь, изменить все ее окружение, изменить родной язык, изменить весь ее мир так, чтобы никогда в жизни она не видела лица китайского мужчины... я пошла бы на все.

...Да, даже если молния поразит его, того, что есть, уже не переменишь. Потом я поняла, что, ненавидя, делаешь себе лишь еще тяжелее. Прощать таких ничтожных людей, не способных позаботиться о своей душе, — это и значит освободиться, вырваться из клетки.

Дуриан коротко фыркает и смеется.

— Персик, мы тут еще подождем, и ты увидишь, как приоткроется створка двери, оттуда выглянет Снежная Груша, а за ней выйдет Маленький Генерал: застегнут на все пуговицы, елда не торчит, грудь вперед, а семенем от него так и разит... Эта шлюха Снежная Груша еще и невинную из себя корчит, знай твердит, как муженька своего любит. А он все имущество проиграл на бегах, она и в центре появилась, чтобы отдать долги... У Маленького Генерала, скота этого, одно на уме: как бы повышение получить да власть захватить, болтается от одной бабы к другой, времени зря не тратит... Тсс, глянь, дверь открывается.

В приоткрытую дверь действительно просунулась голова, потом показался темный силуэт. Дверь неслышно закрылась. Силуэт выпрямился, но не успел он сделать нескольких шагов, как метнувшаяся из-за угла тень остановила его.

— Ай-ай-ай, всю ночь в этой комнате провел? Славно выполняем свои обязанности.

— А ты разве не ради центра раньше петухов поднялась?

— Ну и бесстыжая же ты морда, Цзян Цзиньгуй. А ежели президент Нью узнает, что ты безобразничаешь с производи-

телями продукции, умышленно нарушаешь сохранность имущества центра...

— А ты считаешь, что стоит ему только взяться за эти твои холмики, и он сразу поверит всему, что ты несешь?

— Ну а слежка, скрытая съемка, видеозапись, высокие технологии — тебе это ни о чем не говорит? — Черная тень негромко хихикнула. — Я всегда была способной ученицей.

— Какая же ты мерзкая баба, Диндан.

— Да куда уж мне. Пойдем на крышу, поговорим.

— Собака треплет петуха — перья во все стороны, — шепчет мне на ухо Дуриан.

Я вспоминаю про Везунчика. Вдруг вскакиваю и мчусь между этих двух теней.

38

На стене в столовой повесили черную собачью шкуру. Я расплакалась.

— Цзян Цзиньгуй, это же для нее как соль на рану...

— Да ладно, поймет, и хорошо, хоть не будет целыми днями искать Везунчика.

— Персик, посмотри, это Везунчик, он уже умер.

Мертвые люди спят в могилах, у мамы есть могилка, у папы. Везунчик тоже должен спать в могилке, на холмике каждый год будут распускаться кроваво-красные цветы, ветер подует — они и осыплются.

Я поглаживаю шкуру и плачу еще горше.

— Бесплатный образчик собачьего меха, украшает помещение столовой, добавляет художественности. — Это притопал в своих кожаных туфлях Маленький Генерал.

— Если бы вы не сказали, я бы и не обратила внимания, что на стене висит эта шкура. Привыкнем, и хорошо.

— Ты, Снежная Груша, всегда ляпнешь что-нибудь этакое, просто сил никаких нет.

— Я не считаю, что из-за какой-то собачонки должны страдать дружеские отношения. Чего это сразу — сил никаких нет?

— Предатель тут у нас завелся, не знаю, правда, какую выгоду она себе выторговала.

— О, все то же, что и во время революции — продадут, предадут, изменят, послушаешь, — просто оторопь берет, — холодно усмехается Снежная Груша.

— Никакого сочувствия, вот беда.

— На вас на всех халаты центра, не разберешь — кто благородный, кто дурной, — заявляет Снежная Груша. — Может, кто-то из вас мать всего сущего?

Я глажу на стене Везунчика. Он похож на картину.

Его черные глазки поблескивают. Так поблескивает вода в реке ночью.

— Не смей гладить, только что кость в руках держала. — Одной рукой Маленький Генерал придерживает черную дубинку сзади на поясе. Обычно эта дубинка смотрится очень устрашающе, как бич, которым укрощают зверей в цирке.

Я наклоняюсь к стене и прижимаюсь к Везунчику.

Маленький Генерал тычет в меня черной дубинкой. Я оборачиваюсь и кусаю его, он бьет дубинкой меня по голове, и я без сознания падаю на пол.

— Цзян Цзиньгуй, это же электрошокер! — восклицает Клубника, обнимая меня.

— Пусть не кусается, это самозащита, — отвечает Маленький Генерал.

— Всегда считала, что самое отвратительное в мире — не угнетение народа, а притеснение слабыми слабых. — Лимон собралась к президенту Нью. — Нельзя потакать подобным людям, если у них в руках пистолет, будут стрелять, если дубинка — ее пустят в ход.

— Вот именно. Когда у мужчины в руках дубинка, ему тем более не позволено применять ее по отношению к женщине, — добавляет Дуриан.

39

Повар снимает копию с меню, поскрипывая ручкой по доске. Он зачитывает вслух руководящие указания: — На обед сегодня три блюда и суп. Одно с мясом, два скоромных. Дозировка каждой порции: окунь вареный на пару — 150 юнций; капуста кочерыжка с толченым чесноком — 100 юнций; жареный трепанг — 80 юнций; вареный рис — 200 юнций; суп с помидорами и яйцом — 300 юнций.

— Мастер Сюй, нужно говорить не “юнция”, а “унция”, — поправляет Дуриан. — Раньше ведь везде указывали столько-то и столько-то граммов, верно?

Сюй в белом колпаке, в белой куртке, усеянной брызгами масла, как фейерверком, руки лоснятся от жира, лицо тоже. Он старательно ставит точку, наклоняет голову, и жир стекает в одну сторону: — Откуда мне знать? Как в руководстве написано, так и пишу... “юн”... “ун”... Что за штука эта унция?

— Вообще-то унция — общепринятая международная единица измерения золота. Мы же здесь не золото едим.

— 150 унций окуня это сколько кусков? — спрашивает Клубника.

Сюй поворачивается и трясет бумагой:

— В руководящих указаниях говорится, что в настоящее время центру грозит серьезный экономический кризис, макрорегулирование требует сокращения штатов, а микрорегулирование означает сокращение расходов и контроль за питанием. Комитет центра на своем заседании решил никого не сокращать, потому что безработные оказывают давление на общество и увеличивают фактор нестабильности. По словам президента Нью, главное, что он любит каждого в центре, центр должен переносить трудности вместе со своими работниками, радоваться их счастью, он никак не может вышвырнуть работника центра, наплевать на него. Вот какой великодушный хозяин! Я считаю, что вы здесь досыта едите и вдоволь пьете, ничего не делаете, и вам не след придирааться, сколько там цзиней, лянов или унций.

— Если на счету Персика не будет погашена задолженность, то в центре сразу экономический кризис наступит? — язвит Лимон.

— Так у него жена с ребенком за границу уедут.

— За границу уедут? Не понимаю, чего хорошего в отъезде за границу. Где-то хорошо, а дома лучше, как говорится, славно жить в золоте и серебре, а лучше в своей собачьей конуре. И чего за этой границей делать, там тебе и ограничения, и смотрят на тебя свысока, притесняют... А у себя в стране ходишь — не горбишься, спина прямая. — Повар весь кругленький, как бочонок, талии никакой, только и остается, что выпятить грудь. — И везде ты хозяин этого клочка земли.

— Хозяин, говоришь? Это какая, интересно, часть земли твоя? Дом? Правом владения можешь пользоваться лишь какое-то время. Пахотная земля? В лучшем случае ты — арендатор. Разве можешь продать участок и вернуть долги, а потом отмыть ноги от земли и стать городским жителем? — горячится Лимон. — Ты, мастер Сюй, торчишь целыми днями у себя на кухне и считаешь, что везде в мире есть еда и питье. Чего доброго в отъезде за границу? Об этом тебе нужно спросить чиновников и богатеев. Слышал о таких? Те, у кого богатство, уезжают за границу, те, у кого этого нет, переправляются туда нелегально. Чтобы дать детям образование, чтобы есть безопасную пищу, чтобы перевести туда свои деньги...

— Не понимаю, зачем нужно уезжать за границу... — Повар говорит с таким видом, будто снимает пробу, — хватает ли соли в супе. — Страна наша богатая, сильная, жить в ней прекрасно, не понимаю, чего доброго в отъезде за границу.

— Хватит, Лимон, вы на разных языках говорите, как курица с уткой, — заключает Дуриан. — У разных людей градусник счастья под мышкой наверняка не одну и ту же температуру показывает. И не надо думать, что ты умнее других.

— Умнее меня? Как это она умнее меня? — Повар поправляет колпак и принимается переписывать меню на ужин. — В руководящем документе говорится, что к концу этого года нужно добиться четырехкратного увеличения валового объема рождаемости. Объединить усилия всех подразделений центра, особенно службы снабжения... а-ха, президент Нью, а они тут все на мою поварешку смотрят.

40

Ранним утром на доску прилепили дацзыбао — рукописную “газету больших иероглифов”:

Приветствуем бескорыстного жиголо!

В результате длительных наблюдений в центре обнаружена благородная “уточка”. Творящий добрые дела имени своего не оставляет. Но мы назовем его, это не кто иной, как инспектор общественной безопасности центра товарищ Цзян Цзиньгуй. Во время дежурства он нередко тайно проникает в комнаты производительниц продуктов рождения и бесплатно предоставляет им сексуальные услуги, внося бескорыстный вклад в упрочение благополучия центра. Им двигают возвышенные соображения, он глубоко изучил физиологические потребности широких женских масс в этот особый период и, невзирая на риск повреждения продукта рождения, а также угрозу нарушения правил центра, смело ублажает широкие массы производительниц продуктов рождения. По неполным статистическим данным товарищ Цзян Цзиньгуй особенно усердно трудится с четырьмя производительницами, не щадит себя и чуть не падает от истощения сил.

Но тонкой бумагой благородный огонь не обернуть. Принимая во внимание выдающиеся достижения товарища Цзян Цзиньгуя, предлагаю присвоить ему звание передовика труда центра, а также наградить премией и вручить почетное знамя. Если за нанесение вреда продуктам рождения товарища Цзян Цзиньгуя уволят, это неизбежно нанесет огромную душевную травму производительницам. Такой благородный жиголо нужен центру! Широкие массы производительниц продуктов рождения нуждаются в его ласках и утешении!

Знающий человек, пожелавший остаться неизвестным.

Дата: сегодня

— Тушеная свинина с засоленными овощами — 100 юнций; вареное яйцо — 100 юнций... — Повар пишет и произносит вслух.

— Мастер Сюй, опять ошибаешься, “унций” нужно говорить. А когда будет отварная говядина в остром соусе? —

Большой рот Дуриан если не говорит, то хохочет, язык у нее не застывает ни на миг.

— Временно у тебя нет права заказывать блюда... Я лишь повар, что в руководящей книге указано, то и готовлю. — На лице Сюя переливаются масляные разводы.

Снежная Груша мирно сидит за столом и двумя пальцами, как птица клювом, отламывает кусочки от половины пампушки. На лице, как и по чашке с жидкой кашей, разлито умиротворение. В таком виде она очень красива, как только что политое растение, от нее исходит еле слышный аромат.

41

Вернулась Яблоко, ее новый номер 183. Груды у нее наталкиваются друг на друга, как загнанные звери. Одежда намочена от просочившегося молока. Она расстегивает пуговицы — набухшие груди вываливаются, этакие воздушные шары с завязанными ниткой кончиками, — она надавливает одну обеими руками, и оттуда брызжет белая струйка. Словно пуляет на пол из водяного пистолета. В образовавшейся лужице копошатся муравьи.

— Жалость какая, молоко такое хорошее... Дали бы покормить месяц... Пусть даже дней десять-пятнадцать, и то хорошо для ребенка... — Яблоко жмет изо всех сил. — Мой сынок целый год маминым молоком питался, такой крепенький рос... Крепкий-то крепкий, да вот не перенес всех напастей... — Она помолчала. — Не скажу, что я такая уж хорошая мать... Даже колотила его, бывало, а все из-за того, что больно привередлив в еде, не ел как следует...

Она сцеживает грудь везде и всюду.

Красных халатов становится все больше. Солнце палит так, что в помещении не продохнуть. Звенят цикады, мы все обливаемся потом. Земля трескается. Листья ив превращаются в свиваемые гусеницами коконы. Засыхают острый перец, люффа, баклажаны, стручки бобов. Лягушки прячутся в пруду. Я играю в прятки с Везунчиком и прячусь в шкаф со всяким барахлом. Накатывает сонливость, как расходящиеся по воде круги, мои веки смыкаются.

— Эй, привет всем. — Я в испуге просыпаюсь. — Хочу представиться, меня зовут Вань Чунья, На-тысячах-деревьев-весной-распускаются-почки, очень легко запомнить. Мы поменялись местами с Цзян Цзиньгум, я слышал, что он хотел стать управляющим центром, но что-то пошло не так... А-а, многовато болтаю, да? Он, конечно, наверняка рано или поздно вернется, перед повышением руководящих работников часто переводят на самый низ, чтобы получили закалку, ничего плохого в этом нет.

Слова у Вань Чунья, словно запертая в клетке курица, суматошно теснятся и рвутся наружу. Когда он замечает сжимающую груди Яблоко, клетка закрывается, он застывает, но быстро приходит в себя, переступает с ноги на ногу, потом топчется еще, сплетает вместе руки и начинает щелкать суставами пальцев.

— Маленький Генерал не пожелал стеречь ворота и уволился. А ты лучше перестал бы нести всякий вздор.

— Фрикаделька Нью и впрямь пересмотрел генеральную линию.

Женщины смеются. Я дремлю-дремлю и засыпаю.

— Подшучиваете надо мной? Ничего страшного, только бы вам было весело. — Заблудившаяся “уточка” раскрякалась. — Я человек веселый, гы-гы-гы. Веселить, быть на побегушках, угождать — все это почитаю за честь. Если есть дело какое — не стесняйтесь, приказывайте. А теперь попрошу всех из комнаты отдыха проследовать в столовую для принятия пищи.

Как сквозь сон доносятся беспорядочные звуки шагов, они раздаются все ближе, и в комнате уже будто тесно от людей.

— Никому не двигаться.

— Всех увести.

Беспорядочный шум быстро сменяется спокойствием.

Просыпаюсь от голода. В столовой никого, на террасе и в комнатах тоже. Во всем здании ни души. Офис президента Нью смахивает на кукурузное поле, по которому прошлось стадо быков и овец, шкафы для документов пусты, компьютера на столе не видать.

Выхожу к большим воротам. Они широко распахнуты. Я берусь за противно пахнущие прутья ограды и смотрю вдаль. Солнце уже скатилось за склон холма, из покачивающихся зарослей травы ко мне бежит Везунчик.

19 января 2016 года

Пекин